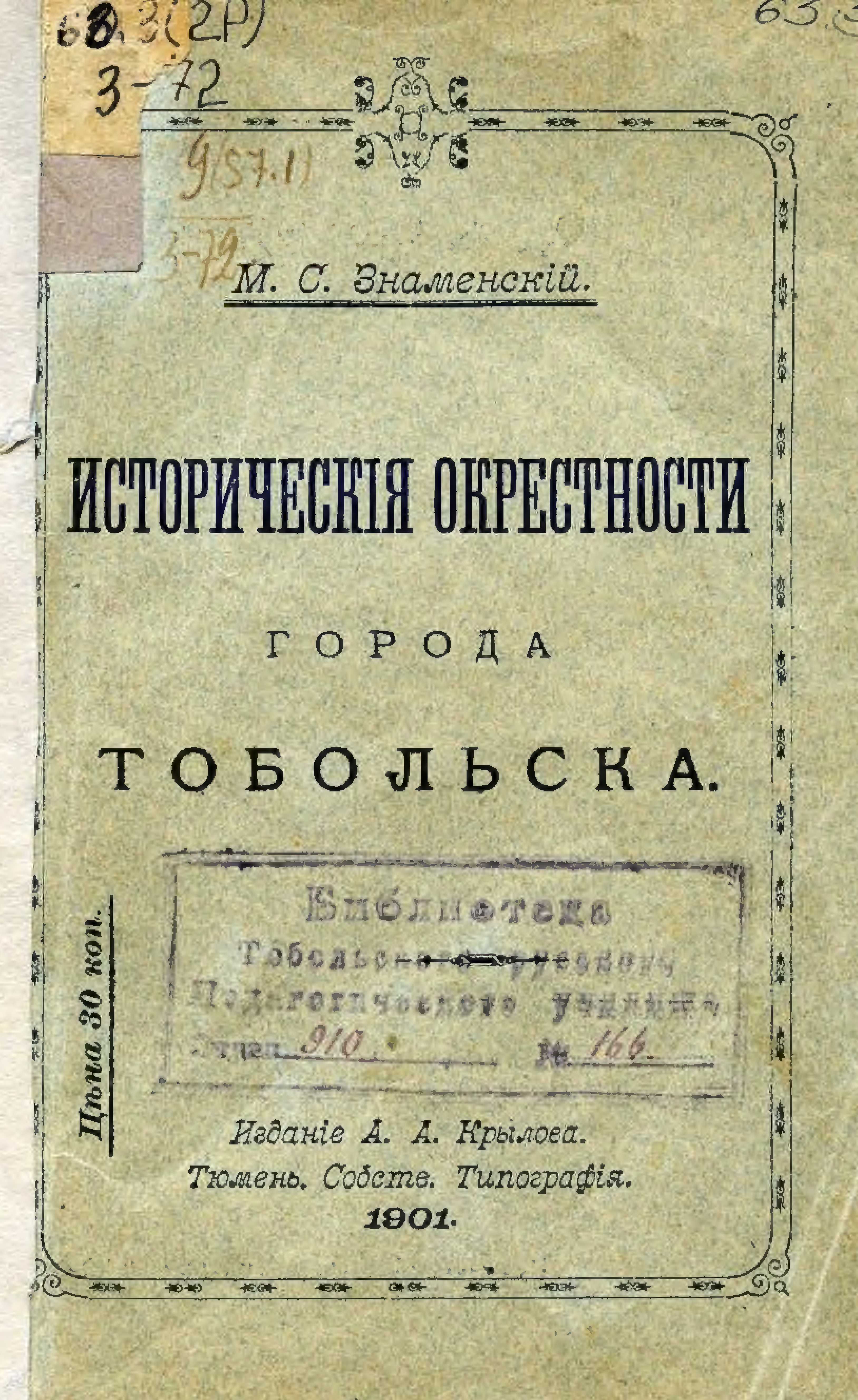

М. С. Знаменскій.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ОКРЕСТНОСТИ

ГОРОДА

ТОБОЛЬСКА.

Цѣна 30 коп.

Изданіе А. А. Крылова.
Тюмень. Собств. Типографія.
1901.

М. С. Знаменскій.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ОКРЕСТНОСТИ

ГОРОДА

ТОБОЛЬСКА.

ТЮМЕНЬ.
Изданіе А. А. Крылова.
1901.

Дозволено цензурою. Москва, 29 апрѣля, 1900 года.

Типографія А. А. Крылова („Сибир. Торг. Газеты“).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Лишь только пахнётъ въ открытыя окна весною и заслышится въ полѣ голосъ кукушки я какъ бродяга стремлюсь на свободу въ лѣса: тамъ въ тишинѣ, посѣщая бугры и овраги я вспоминаю исторію нашего края. Сколько мѣстъ и урочищъ предстаютъ предо мною какъ страницы сказаній о прошлыхъ дѣяніяхъ и людяхъ отжившихъ и связавшихъ имя свое съ исторіей нашего края. Было время когда почти каждый житель Тобольска зналъ каждую мѣстность съ ея историческимъ прошлымъ. было время когда съ легкой руки Кипріана у насъ началось собираніе легендъ и преданій: писалъ и ямщикъ*), и боярскіе дѣти**), писали и купцы***). Имена и сочиненія Миллера, Фишера и Словцова были знакомы каждому грамотею; но прошло это время: съ тощихъ россійскихъ кормовъ потянулись на тучныя пажити наши служилые, краю нашему чуждые люди, имъ не было дѣла до исторіи нашей—лишь бы имъ нагулять себѣ тѣло и снова исчезнутъ въ Россію. Еще меньше сим-

*) Черепановъ.

**) Ремезовъ.

***) Старинные роды купцовъ вели свои записки, исчезнувшія или въ пожарахъ, или по небрежности слѣдующихъ поколѣній.

патій питалъ другой слой прибывшій сюда по неволѣ, —слой ссыльныхъ. Тѣмъ и другимъ какая нужда до нашихъ преданій; если имъ и знакомо было имя Ермака, то только потому что лѣтнее мѣстопребываніе клуба находится въ саду, гдѣ стоитъ памятникъ этаго героя.

Съ другой стороны и молодежь города Тобольска, выростая въ этой атмосферѣ, увлекается привозной мишурой и блескомъ мелхіора, индиферентно сторонится отъ мѣста ихъ рожденія. Только въ дали отъ родины въ болѣе чистой атмосферѣ труда и науки молодежь начинаетъ чуствовать свою кровную связь съ городомъ и дорожить всѣмъ до нее касающимся.

Вотъ для такихъ то, да еще для такъ называемыхъ закорузлыхъ тоболяковъ я и желаю собрать разбросанныя по многимъ сочиненіямъ, отъ части сдѣлавшимся библіографической рѣдкостію, сказанія объ историческихъ нашихъ окрестностяхъ.

I.

УКРѢПЛЕНІЕ МАХМЕТЪ-КУЛА

на Чувашскомъ мысу.

Приближаясь по Московскому тракту къ переправѣ чрезъ Иртышъ, съ правой руки вы видите отвѣсную желтоватую стѣну, саженъ въ 30 высоты, надъ подмывающей его рѣкою.—Это Чувашскій мысъ —первая историческая окрестность города Тобольска. Съ этой собственно мѣстности и начинается исторія города Тобольска.

Жутко дѣлается, когда, съ каждымъ взмахомъ веселъ, паромъ придвигается къ готовой рухнуть въ воду стѣнѣ, состоящей изъ рыхлыхъ слоистыхъ песковъ и частію глины. Вы выходите на берегъ и стѣна возвышенности, повернувшаяся подъ прямымъ угломъ къ сѣверу, теряетъ свой мертвенный видъ. Здѣсь она отъ основанія до вершины одѣта въ голубовато-зеленый цвѣтъ курчавой полыни, (Artemisio Frigida), въ промывныхъ же, отъ тающаго снѣга и дождей, разсѣлинахъ растительность разнообразится: тутъ вы видите и мяту (Gleeoma Hederana) и красивый розовый

букетами горошекъ и подъ цвѣтъ ему кусты шиповника (Rosa cinnamomea), пріютившаго подъ своею тѣнію наливающуюся землянику (Fragaria vesca). Пройдя по душистому ковру кашки (бѣлая дятлина—Trifolium repens) саженъ полтораста отъ берега, вы встрѣчаете небольшой холмъ, образовавшійся отъ скатившейся сверху, изъ довольно широкаго оврага, земли. Этотъ широкій и вмѣстѣ съ тѣмъ, пологій оврагъ самый лучшій и удобный путь на высоту, или какъ мы называемъ на гору. Идя по тропинкѣ не разъ приходится остановится, чтобы поднять черепокъ по типу своихъ украшеній родственный черепкамъ до историческаго вѣка Швейцаріи, Кавказа и Мервскихъ кургановъ, не разъ обращается вниманіе и на торчащіе изъ глыбы глины рыбьи и скотскія кости, а если посчастливится, то, можно найти тутъ, если не цѣлую, то обломокъ стрѣлы, или костянного ножа. Словомъ путь этотъ предваряетъ, что вступаете вы на почву былаго прошлаго. Но вотъ съуживающійся къ верху оврагъ приводитъ васъ въ ровъ, окружающій скругленнымъ треугольникомъ пространство въ девяносто саженъ въ окружности. Этотъ трехъ угольникъ одною стороною лежитъ у самого края бугра, а другою къ тому оврагу, по которому мы поднимались; пространство это—имѣвшее прежде три кургана поросло таваложникомъ (Spiraea chamaedrifolia) шиповникомъ, медункой (pulmonaria mollis) и другими неприхотливыми растеніями нашего климата,—двѣ три березки сиротливо возвышаются надъ мелкою растительностію. За упомянутымъ уже рвомъ идетъ гладкое

пространство саженъ въ 15 ширины, огражденное тоже рвомъ, но уже болѣе мелкимъ; а за нимъ мелкій березникъ окружаетъ стѣной это пустынное мѣсто.

Какихъ разумныхъ существъ смѣнили хлопотливые массы муравьевъ и насѣкомыхъ царящіе и хозяйничающіе въ настоящее время здѣсь? На этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить, соглашаясь вполнѣ съ нашимъ сибирскимъ историкомъ Словцовымъ, который говоритъ: „Вѣроятно на этихъ мѣстахъ живали вогулы и остяки. Въ подтвержденіи сего мнѣнія можетъ служить названіе Подчувашскаго мыса. Ибо рѣченіе „подъ чуваши“ значитъ на остятскомъ языкѣ селеніе прибрежное, какъ недавно узнано мною отъ ѣздившаго въ Обдорскъ чиновника. Прежде сего я не понималъ, отъ чего нашъ мысъ прозванъ Подчувашскимъ, потому что чувашей не было видно въ бытіяхъ сибирской исторіи“ *). Къ этому авторитетному мнѣнію мы можемъ прибавить только то, что произведенныя на этой площади раскопки дали намъ матеріалъ чисто остяцкаго быта, какъ то: костянныя принадлежности оленьей упряжи—пластинки, надѣваемыя на голову оленя для управленія его возжей, костянныя пряжки, блоки и проч. Костянные ножи и лопаточныя скотскія кости съ заостреннымъ прорѣзомъ по срединѣ—это остятскія орудія для очистки рыбы отъ чешуи, глиненные болванчики звѣрей и человѣка сидящаго верхомъ на осѣдланной лошади—это пенаты жившихъ здѣсь лю-

*) «Прогулка вокругъ Тобольска» соч. Словцова. Стр. 29.

/

дей**). Кромѣ того по словамъ старожиловъ это мѣсто въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ было усѣяно оленьими рогами.

Допустивъ населеніе этихъ мѣстностей остяками мы поймемъ названіе и другого мыса Чукманъ: по словамъ хорошо знающаго остятскія нарѣчія протоіерея Попова „кеманъ“ по русски можно перевести „внутри“, что очень соотвѣтствуетъ положенію мыса Чукманъ.

Но возвратимся къ Чувашскому мысу и къ тому времени когда это мѣсто сдѣлалось мѣстомъ историческимъ и его имя получило право гражданства на страницахъ сибирскихъ лѣтописей.—Это было не задолго до пришествія Ермака, въ половинѣ XVI вѣка.

**) Вся эта коллекція въ настоящее время составляетъ собственность Сибирскаго университета

II.

ЧУВАШСКІЙ МЫСЪ.

Триста слишкомъ лѣтъ тому назадъ, въ тѣ годы, когда рѣшалась судьба Сибири, въ Европѣ процвѣтали уже и наука и искусства: въ туманной Англіи, въ эти самые года, безсмертный Шекспиръ писалъ произведенія, которымъ суждено было сдѣлаться извѣстными всему свѣту—проникать и доставлять отраду въ такихъ мѣстахъ, какія при его жизни были населены только дикарями. Геніальная кисть Европейскихъ художниковъ того времени обезсмертила уже много, и историческихъ лицъ съ ихъ историческими подвигами, и простыхъ смертныхъ въ ихъ прозаической обстановкѣ.

Неудивительно, послѣ того, что писатель, вспоминая намъ прошлое Европы за триста лѣтъ, можетъ представить картину того времени съ богатыми и вѣрными подробностями. Совсѣмъ другое дѣло—говорить о прошломъ нашей Сибири: тутъ въ нашемъ распоряженіи нѣсколько краткихъ лѣтописей, да остатки тѣхъ холмовъ и равнинъ, гдѣ жили и дѣйствовали историческія личности. Съ этими-то лѣтописями я и приглашаю читателя прогуляться со мной по нашимъ окрестностямъ и помянуть дѣла давно минувшихъ дней.

Въ 1580-хъ годахъ владѣлъ Сибирью царь Кучумъ; 12-ть лѣтъ тому назадъ пришелъ онъ со своими удальцами изъ южныхъ степей, побѣдилъ царя Этыгара (Этигера), убилъ его и поселился въ его городкѣ „Сибирь", называемомъ нынѣ Искеромъ*). Помѣстившись тутъ со своими избранными, онъ принялся хозяйничать въ землѣ Сибирской, размѣщая женъ и родственниковъ по разнымъ ближнимъ городкамъ: такъ въ мѣстечкѣ Абалакъ помѣстилъ онъ старшую жену свою Самбулу, близъ нынѣшняго Тобольска жила вторая жена его, старшая дочь Мурзы Девлетъ-Бая; сѣвернѣе, верстъ на 9-ть отъ Тобольска, былъ городокъ третьей его жены—Сузге; затѣмъ тамъ и сямъ размѣстились его родственники: гдѣ тесть, гдѣ зять, гдѣ племянникъ.

Устроивъ близкихъ своихъ по мѣстамъ, повелъ Кучумъ свою жизнь безъ труда и заботы. Взятіемъ Сибири и убійствомъ прежняго владѣтеля онъ лично закончилъ свои воинскія дѣла; для покоренія же мелкихъ Сибирскихъ народцевъ и для взиманія съ нихъ дани онъ разсылалъ уже подчиненныхъ. Дѣлъ у него по управленію своимъ царствомъ, какъ можемъ думать, было немного; порой только приходилось отписываться отъ требованій русскимъ царемъ дани по примѣру прежнихъ лѣтъ. Свою привычку къ кочевой жизни онъ могъ удовлетворять, визитируя своихъ женъ и родственниковъ, въ антрактахъ же забавляясь охотой

*) Ис-каръ по татарски означаетъ вообще всякое старое городище. „Историческое обозрѣніе Сибири". Соч. Словцова.

на многочисленныхъ еще тогда въ Сибири звѣрей и птицъ.

Было у Кучума всего довольно: хлѣбъ доставляли ему подвластные татары, занимавшіеся уже тогда хлѣбопашествомъ, рыбу, звѣря и мѣха—остяки и вогулы, а болѣе усовершенствованныя произведенія шли къ нему съ юга съ караванами изъ Бухары; такъ что про царя Кучума нашъ Тобольскій поэтъ П. П. Ершовъ имѣлъ полное право сказать:

„Много силы у Кучума,
Много всякаго богатства;
Драгоцѣнные каменья,
Изъ монистовъ ожерелья,
Черный соболь и лисицы,
Золото и серебро. . . . .“

И жилъ Кучумъ спокойно и въ довольствѣ до 1580 года, и дальше бы такъ жилъ, умеръ бы покойно и лежали бы его кости на ханскомъ кладбищѣ, еслибы вдали отъ Сибири, на Западъ за тысячи верстъ, на широкой матушкѣ Волгѣ, не плавали люди, которымъ жизнь была копѣйка и которые тяготу крестьянскаго труда съ его невзгодами промѣняли на легкую добычу разбойниковъ. Энергическія мѣры Царя Ивана Васильевича, принятыя противъ нихъ, заставили этихъ людей поискать для себя другого подходящаго занятія, и какъ говорится въ старой пѣснѣ:

Рѣчь возговорилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ:
Ой вы гой еси, братцы, атаманы-молодцы,
Эй вы дѣлайте лодочки коломенки,
Забивайте вы кочеты еловые,

Накладайте бабаички сосновыя.
Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помощью,
Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ рѣкѣ,
Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
Доберемся мы до царства бусурманскаго,
Завоюемъ мы царство Сибирское.

Вамъ юные читатели, хорошо извѣстно, кто былъ Ермакъ, какъ попалъ онъ къ Строгоновымъ, жившимъ на границѣ Сибири, какъ съ ихъ помощью пошелъ на царя Кучума. Моя цѣль не повторять историческихъ извѣстныхъ вамъ сказаній, а только пройти по историческимъ сибирскимъ мѣстностямъ и вспомянуть, гдѣ что было.

Не разъ гуляя по этимъ мѣстамъ, срисовывая ихъ и роясь въ землѣ, я говорялъ и съ мѣстными жителями, въ надеждѣ услышать отъ нихъ какія нибудь преданія, или легенды о прошломъ, но, къ сожалѣнію, русскихъ сибиряковъ ничего прошлое не интересовало. Только нашелся одинъ татаринъ-старикъ, житель Соусканскихъ юртъ, находящихся вблизи родоваго ханскаго кладбища. Привожу его сказаніе буквально: „Да!“ началъ меланхолически полуслѣпой сухой старикъ, казавшійся тѣнью, вышедшою изъ могилы, осененной столѣтними березами, „да, не хотѣлъ царь Кучумъ стариковъ слушать . . . не хотѣлъ —и погубилъ свое царство . . . Бѣжалъ къ нему Ермакъ, отъ русскаго царя бѣжалъ; много онъ тамъ людей убилъ, русскій царь хотѣлъ его повѣсить, ну онъ и бѣжалъ къ нашему царю . . . Принялъ его Кучумъ, хорошій кузнецъ былъ Ермакъ и умный

человѣкъ, полюбилъ его нашъ царь . . . Старики говорили: не вѣрь Ермаку . . . не слушалъ стариковъ Кучумъ, пускалъ его вездѣ . . . Годъ у него и жилъ Ермакъ, а когда все высмотрѣлъ, убѣжалъ. А потомъ, погодя немного, пришли къ царю наши и говорятъ: ой плохо Царь! щепа плыветъ по Тоболу, много щепы плыветъ . . . худо будетъ, сбирай войско! Опять царь не послушалъ стариковъ. А тамъ на Тоболѣ русскіе суда себѣ строили . . . построили, сѣли на нихъ, пришли сюда и взяли у Кучума царство. Это такъ было, у насъ все это въ нашихъ книгахъ такъ написано . . ." закончилъ онъ свой разсказъ. Я разумѣется не сталъ ему пропагандировать о томъ, какъ въ нашихъ книгахъ написано: во-первыхъ кто могъ быть порукой, въ чьихъ книгахъ правда, а во-вторыхъ достаточно ужъ того, что мы русскіе отняли у татаръ царство; зачѣмъ же я буду отнимать у него дорогое для него убѣжденіе, что непослушаніе стариковъ были причиной этой потери.

И вотъ мы, потомки нѣкогда убивавшихъ другъ друга, мирно сидимъ друзьями, бесѣдуя о прошломъ и наслаждаясь природой. Я любовался и разказчикомъ, и всей окружающей насъ картиной; солнце опускалось къ западу и пронизывало густую рощу своими лучами, золотя то кудрявую зелень, то свѣтлыми пятнами рисуясь на синеватомъ столбѣ, увѣнчанномъ чалмою, то играя на верхушкѣ длиннаго деревяннаго копья, воткнутаго надъ прахомъ неизвѣстнаго батыря; тѣнь отъ этой кладбищенской рощи длинной полосой тянется къ востоку; а тамъ далеко облитый

заходящимъ солнцемъ золотится крутой стѣной правый берегъ Иртыша, гдѣ жилъ нѣкогда тотъ непослушный Кучумъ, о которомъ только что закончилъ рѣчь свою мой бронзовый пріятель въ своей бѣлой длинной татарской рубахѣ, рѣзко отдѣляющей его фигуру отъ изумрудно зеленой травы, на которой онъ сидитъ.

Но возвратимся къ Кучуму и встревоженной странѣ его: плывущая ли щепа, какъ говорилъ старикъ, или расплывающіяся чудныя вѣсти, какъ говорятъ лѣтописи, были причиной тревоги Сибирскаго народа—эти вѣсти или легенды П. П. Ершовъ облекъ въ поэтическую форму:

„Чудны женскіе разсказы!
Будто полночью глухою,
На мысу одномъ высокомъ,
По три раза приходила,
Цвѣту бѣлаго собака
И какъ уголь черный волкъ;—
Съ воемъ грызлись межъ собою,
И въ послѣдній разъ собака,
Разтерзала злаго волка.
Будто съ той же ночи всюду
Межъ Сибирскими лѣсами
Чуднымъ образомъ и видомъ
Вдругъ береза зацвѣла.
Будто въ полдень на востокѣ
Облака являютъ городъ
Съ полумѣсяцемъ на башняхъ—
И подуетъ вѣтръ съ Урала,

И снесетъ тотъ полумѣсяцъ,
И навѣетъ чудный знакъ.
Будто въ полночь вдругъ заблещетъ
Надъ могилами Искера
Яркій свѣтъ звѣздой кровавой,
И послышится стукъ сабель,
И невѣдомый имъ говоръ,
И какой-то страшный трескъ.
Что-то будетъ съ Ханскимъ царствомъ?

Всѣ эти видѣнія тревожили народъ и доставляли тему Сибирскому люду для ихъ бесѣдъ; трево жили ли они самого царя Кучума —я не знаю: знаю только, что пришлось ему встревожиться, но ужъ отъ иныхъ разсказовъ: близкій ему человѣкъ Таузакъ поѣхалъ собирать дань съ подвластныхъ Кучуму народцевъ; на устьѣ рѣки Тавды онъ нежданно негаданно наткнулся на русскихъ людей; схватили его русскіе, перевязали его всю свиту и представили предъ очи атамана Ермака. Разумѣется ничего добраго, ни себѣ, ни свитѣ своей Таузакъ неожидалъ, но—ошибся; вмѣсто смерти, плѣнные нашли хорошій пріемъ и угощеніе. Угощалъ Ермакъ гостей своихъ, угощалъ, ласкалъ и спрашивалъ; а тѣ ему въ благодарность за ласку нежданную разсказали подробно и о царствѣ Кучума, и о богатыряхъ своихъ, и о владѣніяхъ Кучумовыхъ. Съ своей стороны и Ермакъ показалъ ту еще невѣдомую имъ силу, при помощи которой онъ такъ скоро и безпрепятственно шелъ по враждебной ему сторонѣ, т. е. велѣлъ свой дружинѣ стрѣлять изъ пища-

лей, а затѣмъ сытыхъ, хотя нельзя сказать, чтобы радостныхъ, отпустилъ гостей домой.

Получивъ дозволеніе удалиться, гости конечно не стали засиживаться, а понеслись въ Искеръ. Много у нихъ было чего поразсказать царю Кучуму, который вмѣсто ожидамой дани получилъ горькую вѣсть, что хозяйничаютъ въ его царствѣ гости нежданные, непрошенные, да что не простые то люди, а „сильные, и когда изъ луковъ своихъ стрѣляютъ, тогда пышетъ огонь, и дымъ бываетъ великій и такъ стучитъ, какъ громъ на небѣ, и ничѣмъ защититься нельзя; ни панцыри, ни кольчуги, ни щиты наши не выдерживаютъ,—все пробиваетъ на вылетъ"...

Дѣло шло ужъ не о видѣніяхъ туманныхъ городовъ и звѣрей,—шла бѣда дѣйствительная. И всунули гонцы ногу въ костянныя стремена, вскочили на коней и понесли во всѣ стороны тревогу, да царскій приказъ: собираться всѣмъ на Чувашскій мысъ, подъ начало „Сибирскихъ странъ богатыря" Махметъ-Кула..

На круто-подымающемся надъ Иртышемъ Чувашскомъ мысу началъ Махметъ-Кулъ устраивать себѣ крѣпость: вырыли ровъ сажени въ двѣ глубиной и сажени четыре шириной, укрѣпили его валомъ и частоколомъ; затѣмъ, отступивъ саженъ на 20 отъ перваго укрѣпленія, вырыли второй ровъ. Съ той же стороны, откуда ждали врага, не надо было ни рвовъ, ни валовъ; на 30 саженную стѣну не совсѣмъ то удобно было взбираться, противъ стрѣлъ, да запасеннаго каменья. Внизу же предъ холмомъ, сдѣлана засѣка.

Устроивъ городокъ и оставивъ тутъ часть отряда, двинулся Махметъ-Кулъ на встрѣчу Ермака и при урочищѣ Бабасанъ показалъ, что есть въ Сибири люди, рѣшившіеся дорого продать и свою жизнь и свою землю. Ермакъ отступилъ и поспѣшилъ сѣсть на свои суда. Но только это отступленіе и пріобрѣли своей храбростію и кровью войска Махметъ-Кула. Суда Ермаковы шли впередъ и впередъ, не страшны были имъ стрѣлы, которыми осыпали ихъ съ берега сопутствующіе имъ татара. И вскорѣ съ Чувашскаго мыса, узкій, но дальнозоркій глазъ киргиза могъ усмотрѣть на западѣ и дымъ и зарево: то горѣлъ богатый улусъ Карачи. Оставалась одна надежда на Чувашскій мысъ.

Въ мрачный осенній вечеръ 1581 года струги казаковъ покинули воды Тобола, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Захарьевская церковь, вступили въ широкій Иртышъ; передъ ними за лѣсомъ, отступивъ полукругомъ, шелъ высокій холмъ, оканчивающійся на югѣ у самой рѣки Чувашскимъ мысомъ, усыпанный сверху тысячами людей. Укрѣпленный снизу засѣками, угрюмо и грозно смотрѣлъ онъ на подплывающую къ нему дружину Ермака.

Дрогнуло сердце храбрыхъ! Оставивъ свои суда и высадившись на лѣвый берегъ рѣки, въ покинутый жителями городокъ „Атыкъ-Мурза“, задумались русскіе. Невеселыя были ихъ думы: рѣшался вопросъ: „что имъ дѣлать? какъ устоять противу толикаго собранія поганыхъ?“ Первою мыслью было—бѣжать назадъ. Но какъ уйти? Куда уйти? На рѣкахъ на-

чалась уже туга. Суда ихъ, служившія имъ надежной защитой отъ стрѣлъ, уже не годились. Отступать же пѣшкомъ, по странѣ незнакомой, враждебной безъ провіанта, значило прямо идти на смерть.

— „Не отъ множества войновъ бываетъ побѣда, но свыше отъ Бога помощь дается: Богъ можетъ и безпомочнымъ помочь". Такія слова лѣтописецъ влагаетъ въ уста Ермаку на этомъ совѣтѣ. „И вспомнимъ, братья, обѣщаніе свое, честнымъ людямъ данное съ цѣлованіемъ креста: всѣмъ погибнуть, а назадъ не возвращаться. . . Если же намъ Всемогущій Богъ поможетъ, то и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ тѣхъ странахъ, и слава наша будетъ вѣчна".

— „Готовы умереть за святую православную церковь и за истинную православную вѣру пострадать"! Такъ, по лѣтописи, порѣшили казаки и покончили совѣтъ свой.

Развѣло. Настало 23 октября.

„Ермакъ же", говоритъ лѣтописецъ, „о дѣлѣ своемъ зело печальшеся и рече дружинѣ своей со слезами: о, друзи и братіе! помолимся Богу и пречистой его Богоматери, и всѣмъ небеснымъ силамъ и угодникамъ Его, дабы сохранены быша отъ нечестивыхъ и окаянныхъ враговъ".

Началась общая молитва.

„И подходитъ онъ подъ знамя,
И даетъ къ молитвѣ знакъ,
И послушно вся дружина,
За вождемъ склонивъ колѣна,

Въ тишинѣ благоговѣйной,
Молятъ Господа и Бога,
О побѣдѣ надъ врагомъ.
Не долга—сильна молитва!
Вскорѣ встали всѣ казаки,
Сабли на-голо и дружно,
Громкимъ голосомъ вскричали:
„Съ нами Божеская сила
И Угодникъ Николай"!

„Вышли, и глаголаху: съ нами Богъ! и паки приложиша: съ нами Богъ: Боже, помози рабомъ своимъ! И начаша приступати къ засѣкѣ".

Туча стрѣлъ встрѣтила храбрую дружину. „и многихъ отъ Ермаковы дружины буйственныхъ овѣхъ уязвляютъ, а иныхъ смертію убиваютъ".

Смѣшались ряды казацкіе, а обрадованные этимъ Кучумовцы, рѣшаясь разомъ покончить со врагомъ своимъ, сломали засѣки и бросились на русскихъ. Началась жестокая битва. „И бысть сѣча зла; за руки емлюще сѣчахуся"! говоритъ лѣтописецъ, или, какъ выражается поэтъ Дмитріевъ:

Грудь съ грудью и рука съ рукой.
Отъ вопля ихъ дубравы воютъ,
Они стопами землю роютъ
Крутятся . . . . и Ермакъ сломилъ.

Поэтъ описываетъ здѣсь единоборство Ермака съ Махметъ-Куломъ.

Намъ неизвѣстно, приходилось ли въ дѣйствительности встрѣтиться лицомъ къ лицу на этомъ мѣстѣ двумъ героямъ; изъ лѣтописей же мы только

знаемъ, что Махметъ-Кулъ палъ здѣсь раненымъ и, выхваченный изъ сѣчи своими товарищами, былъ увезенъ въ маленькой лодочкѣ на лѣвый берегъ Иртыша. Рана и изчезновеніе съ поля битвы храбраго предводителя подѣйствовали на татаръ и они въ свою очередь начали отступать отъ дружины Ермаковой.

И взялъ Ермакъ „ихъ засѣку и знамена свои тутъ поставиша".

Гдѣ былъ и что дѣлалъ въ это время царь Кучумъ?

Прибывъ на Чувашскій мысъ, чтобы лично слѣдить за ходомъ дѣла, тревожные часы переживаетъ царь на этомъ высокомъ холмѣ, съ котораго, какъ съ царской ложи, онъ могъ видѣть всю сцену, гдѣ давалась кровавая драма. Окруженный муллами и остятскими князьками, отсюда лучше самихъ участниковъ, онъ видѣлъ и понималъ ходъ всего дѣла. Дрогнуло его сердце при видѣ уносимаго съ поля сраженія Махметъ-Кула, дрогнули сердца и остятскихъ князьковъ, бросившихся бѣжать со своими подчиненными народцами. Видѣлъ Кучумъ какъ начали отступать и татара.

Надежды на людей ужъ не было. И „повелѣ мулламъ своимъ кликати свою молитву и призывати на помощь своя боги. И не бысть ему помощи отъ нихъ, ни посмѣшенія".

Кучумъ бѣжалъ.

И все это „толикое поганыхъ собраніе", такъ ужаснувшее вчера дружину Ермакову, исчезло. Только угрюмый холмъ стоялъ на своемъ мѣстѣ; у подножія

его на засѣкѣ осенняя непогодь играла съ русскими знаменами, или правильнѣе сказать хоругвями; а вблизи была равнина, усѣянная трупами.

„Очервленишася тогда кровьми поля, сущая ту, и постлашася трупіемъ мертвецъ. . . И блато собрашеся ту отъ истекшія крови, якоже древле отъ тѣлесъ у Троянскаго града“. Такъ заканчиваетъ лѣтописецъ свое сказаніе объ этой битвѣ.

Перейдемъ отъ прошлаго къ настоящему. Названіе Чувашскій мысъ, нѣкоторые приписываютъ тому, что будто бы во времена Кучума на этомъ мысу жили Чуваши, но Сибирскій историкъ Словцовъ говоритъ, что „Чувашей не было видно въ бытіяхъ Сибирской исторіи“ и что „рѣченіе Подъ-чуваши значитъ на остятскомъ языкѣ: селеніе прибрежное“. . . Вѣроятно тутъ жили вогулы и остяки. . . На томъ мѣстѣ, гдѣ была засѣка и гдѣ впервые раздались ружейные выстрѣлы, и нынѣ войска мѣстнаго баталіона упражняются въ стрѣльбѣ. Время, въ компаніи съ дождями, промыло въ холмѣ нѣсколько овраговъ и одинъ изъ нихъ, послѣдній къ Иртышу, составляетъ самый удобный подъемъ на эту тридцати-саженную возвышенность и приводитъ прямо въ главный и первый ровъ. Поднимаясь по узкой тропинкѣ оврага, почти на каждомъ шагу можно найти какой либо остатокъ стараго времени: узорчатый черепокъ глинянаго сосуда, обломокъ костянной подѣлки, особенно много рыбьихъ костей, бѣлѣющихъ въ глинистомъ слоѣ правой стороны оврага. Поднявшись на верхъ, вы вступаете въ ровъ, изъ котораго направо протоптанная тро-

пинка ведетъ въ главное укрѣпленіе, имѣющее форму небольшого закругленнаго треугольника, съ тремя возвышавшимися на немъ древними курганами. Чья то любознательная, а быть можетъ и корыстная рука, давно уже, такъ что успѣли тутъ вырости порядочныя березы, выкопала въ центрѣ этихъ кургановъ глубокія ямы. Пустынно теперь это главное укрѣпленіе, поросшее мелкими кустарниками таваложника, шиповника и земляничникомъ, за то красивая и обширная панорама открывается съ этого мѣста глазу зрителя. Но, не смотря на красоту этой панорамы, облитой весеннимъ солнцемъ, съ свѣтлой рѣкой, отражающей въ себѣ голубой фонъ неба, съ розоватыми серебромъ опушенными облаками, не смотря на ярко зеленѣющіе луга, меня на этомъ пустынномъ холмѣ всякій разъ охватываетъ духъ прошлаго, и видится мнѣ другая картина: въ моемъ воображеніи возстаетъ мрачное, богатое событіями, октябрское утро во всей своей Сибирской обстановкѣ: съ свинцовымъ небомъ, съ бѣлѣющимъ отъ инея пространствомъ луговъ, на которомъ гигантскимъ серпомъ лежитъ стальной Иртышъ. И вотъ здѣсь, на этой высотѣ, на мрачномъ фонѣ неба, выдѣляется пестрая толпа въ своихъ пестрыхъ, съ теплаго юга занесенныхъ костюмахъ, окружаетъ она южнаго выходца-полуслѣпаго царя Кучума и любимцевъ его, и совѣтниковъ муллъ; за первымъ же валомъ темная масса его разноплеменныхъ данниковъ—темная масса темнаго люда, готовая, какъ и прилично рабамъ, устлать трупами землю, сдѣлать изъ своей крови болото, свирѣпо драться, чтобы от-

стоять жизнь, покой и довольство этой пестрѣющей передъ ними кучки людей.

Но и пестрое, и темное, устремило свои узкіе глаза туда, въ даль, къ стальной полосѣ рѣки, откуда двигается по бѣлому полю черная кучка людей съ развѣвающимися хоругвями. Малъ этотъ двигающійся съ молитвенными возгласами звѣрь, чрезъ нѣсколько времени убудетъ его еще на треть; но судьбой ужъ рѣшено ему пожрать ждущаго его великаго звѣря.

Да, историческія воспоминанія охватываютъ посѣтителя на этомъ историческомъ мѣстѣ, и все видимое напоминаетъ ему прошлое. Налѣво то мѣсто, увѣковѣченное легендой, мѣсто битвы двухъ звѣрей; вдали, на самомъ горизонтѣ, подернутая голубымъ туманомъ, далеко, далеко виднѣется небольшая возвышенность— мѣсто бывшаго богатаго улуса Карачи; направо, по эту сторону Иртыша, виднѣется уже не миражный изъ тумана, а дѣйствительный городъ съ бѣлыми колокольнями, увѣнчанными блестящими крестами, а на самомъ холмѣ вокругъ обоихъ рвовъ, меланхолически качаютъ своими верхушками бѣлыя березы, вытѣснившія первыхъ здѣшнихъ обитателей—хвойные лѣса.

Но еще съ большей силою охватываетъ духъ прошлаго, когда, снявъ аршинный слой земли, начинаешь разбираться въ остаткахъ того вѣка. Впереди, по всѣму краю холма, лежатъ въ безпорядкѣ наконечники костяныхъ стрѣлъ разнообразной формы, между ними нѣсколько желѣзныхъ; тутъ же костяные топоры, кое гдѣ колечки отъ кольчугъ, нѣсколько каменныхъ пуговицъ и одна довольно крупнаго жем-

чуга. Въ центрѣ укрѣпленія—остатки большихъ костровъ, окруженные слѣдами съѣстныхъ угощеній: костями лошадей, оленей, птицъ и множества рыбьихъ (остатки стерлядей и щучьи челюсти поразительной величины); тутъ же масса разбитой глиняной посуды —отъ ведерной вмѣстимости до величины наперстка —и костяная ложка. Покончивъ съ удовлетвореніемъ гигантскаго своего аппетита, жители не оставались праздными, и тутъ же около костровъ занимались: иные своимъ кустарнымъ производствомъ,—говорю это на томъ основаніи, что тутъ же найдены: желѣзные ножи, сверлила и грубо обдѣланныя и неоконченныя еще стрѣлы, свистки для приманки птицъ, а иные и игрой, потому что найденные закругленные черепки и до сихъ поръ служатъ для игры, а найденныя костянныя издѣлія—подобіе шахматъ. Позади же укрѣпленія остатки каменныхъ привѣсокъ къ неводамъ, костянные ножи для чистки рыбъ говорятъ о хозяйственныхъ домашнихъ складахъ. Но я не буду подробно излагать всѣхъ находокъ и говорить о мѣстѣ ихъ расположенія: это интересно только для завзятаго археолога. Скажу еще разъ о томъ удовольствіи, какое чувствуется человѣкомъ при разборкѣ всего этого оставшагося хлама—это напоминаетъ, то удовольствіе ребенка, которое онъ испытываетъ, присутствуя при разборкѣ въ ящикѣ своей бабушки.

III.

ИСКЕРЪ.

Кучумъ бѣжалъ, но не до него было Ермаку и дружинѣ его; только что окончившаяся битва одного противъ десяти не шутка, а потому извинительно было подумать и объ отдыхѣ; кромѣ того нужно было подобрать изъ кроваваго болота своихъ товарищей, еще живымъ помочь, а умершихъ предать честному погребенію.

Въ различныхъ мѣстахъ были колыбели людей, павшихъ тутъ, а общее дѣло уложило ихъ въ одну общую братскую могилу.—Гдѣ она, гдѣ кости этихъ храбрецовъ? Ни лѣтописи, ни преданіе ничего намъ не говорятъ: но правъ былъ Ермакъ, сказавъ на совѣтѣ, что, „если Всемогущій Богъ намъ поможетъ, то и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ тѣхъ странахъ".... Память 107 героевъ, павшихъ при Чувашскомъ холмѣ, сохраняется и ежегодно въ первую недѣлю великаго поста въ Тобольскомъ соборѣ поется имъ вѣчная память.

Несется Кучумъ къ столицѣ своей. „Царь же Кучумъ", сообщаетъ Строгановская лѣтопись, „видя

свою погибель и царства своего и богатства лишеніе, рече ко всѣмъ съ горькимъ плачемъ; о мурзы и уланове! побѣжимъ, не медлимъ—сами бо видимъ своего царства лишеніе: сильніи наша изнемогоша и храбріи воини—вси побіени быша! О, горе мнѣ! что сотворю? или камо бѣжу! покры срамота лице мое! Кто мя побѣди—и царства моего лишихъ? простыхъ бо людей послаша на мя Строгоновы изъ своихъ острожковъ, свои мнѣ мстити обиды, атамановъ и казаковъ, Ермака съ товарищи, не со многими своими людьми и тыи насъ, нашедъ, побѣди и толико намъ зла сотвори: воинство мое избиша, и сына моего уязвиша, еле жива отъ насъ увезоша, и меня самого посрами и отъ царства моего отогна!"

Нѣтъ не могу я представить себѣ Кучума „съ горькимъ плачемъ", особенно съ тѣхъ поръ, какъ привелось мнѣ видѣть умирающихъ, раненыхъ и идущихъ въ плѣнъ Ташкенцевъ. Кучумъ представляется мнѣ въ образѣ одного старика, поразившаго меня при взятіи русскими Аульета: раненый нѣсколькими пулями и штыкомъ, величественно и гордо сидѣлъ онъ въ лужѣ изъ своей крови съ блѣднымъ, старческо красивымъ и спокойнымъ лицемъ; перебирая четки, повторялъ онъ имя Аллаха, по волѣ котораго все случившееся должно было случиться. Такимъ именно представляю я себѣ Кучума, несущагося изъ оврага въ оврагъ къ своей столицѣ. Гудитъ осенній вѣтеръ, словно погребальную пѣсню поетъ; клонятъ свои головы хвойные колоссы, съ почтеніемъ, какъ и прилично великимъ, прощаясь съ павшимъ царемъ; желѣ-

стятъ, какъ бы пересмѣиваясь, низкіе кусты. но не до голосовъ природы, не до окружающихъ пейзажей бѣгущему царю; быть можетъ просвѣты межъ деревьями Соусканскаго холма и похожи на тѣни, погребеннаго здѣсь Эдигера съ родней, убитыхъ Кучумомъ. быть можетъ кровавыя пятна осенней листвы среди темной хвои деревъ и напоминали ему, что онъ „побѣдихъ во градѣ Сибири князей Эдигера и Бекбулата.... пріидохъ и побѣдихъ, ни отъ кого же посланъ корысти ради и величія". Если и думалось это ему, то не прочесть думъ бѣглеца, несущагося впередъ и впередъ и съ каждой минутой изчезающаго во мракѣ темной осенней ночи. Но вотъ и огни его столицы; валы и рвы его твердыни—онъ дома. „Прибѣже во градъ, царь же Кучумъ взя мало нѣчто отъ сокровищъ своихъ и вдашася невозвратному бѣгству со всѣми вои своими, градъ же свой Сибирь оставиша пустъ".

26-го октября дружина Ермакова, отдохнувъ и покончивъ дѣла свои, послѣ общаго совѣта и обычной общей молитвы, оставила свою стоянку и изъ Подъ-Чувашъ двинулась по слѣдамъ Кучума къ Сибири. Со всѣхъ сторонъ укрѣпленный городъ, отчасти природой, отчасти искусствомъ, предсталъ предъ пришедшими туда казаками—кругомъ тишина и безмолвіе „не бѣ во градѣ ни какого гласа". Задумались Русскіе: „и мнящіе себѣ козаки, яко лукавствуютъ вотаніи надъ ними и нѣчто лукавнующе". Но какъ уже извѣстно читателю, лукавства тутъ никакого не было; было только то, что паника, овладѣвшая всѣми послѣ

Чувашской битвы, сдѣлала подобную твердыню, могущую уложить во рвахъ Искера половину нападающихъ храбрецовъ, пустою. И 26 числа Ермакъ вступилъ въ Кучумову столицу—„во градъ Сибирь въ лѣто 7089, (1581 г.) октября дня 26, на память святого великомученика Димитрія Солунскаго“.

Здѣсь будетъ кстати слѣдующее отступленіе: въ г. Березовѣ (нынѣ въ Омскѣ) хранится древнее знамя Ермака—это большая квадратная хоругвь съ полями 2 арш. 6 вер.; на одной сторонѣ ея изображенъ Архангелъ Михаилъ на красномъ крылатомъ конѣ, поражающій копьемъ діавола и низвергающій дома и башни въ волны, на другой св. Дмитрій на темнозеленой лошади, низвергающій копьемъ въ пропасть Кучума на бѣлой лошади. Матерія, краски и самый пошибъ письма, все это положительно древнее и пахнетъ вѣками, остается рѣшить мудрецамъ нашимъ: въ изображеніи св. Дмитрія было ли предчуствіе иконописца, что именно въ этотъ день Кучумъ падетъ, или Ермакъ поручилъ изобразить это знамя уже послѣ, въ память взятія города Сибири?

Мнѣ бы желательно было представить читателю картину этой столицы: на темнѣющемъ, заросшемъ кедрами и пихтой тридцати саженномъ пьедесталѣ дворецъ царя, мечеть съ высокими минаретами, дворцы его приближенныхъ и проч. и проч., словомъ всю брошенную роскошь роскошнаго царя Сибири; но какъ неувлекается воображеніе, а исторія и историки удерживаютъ полетъ фантазіи. Историкъ Сибири Миллеръ, посѣтившій это мѣсто около полутораста лѣтъ

тому назадъ, такъ говоритъ: „отъ дворовъ, или отъ другого какого строенія, ни какихъ слѣдовъ болѣе не видно, какъ только, что по разнымъ мѣстамъ, отъ неровности земли, разсуждать можно, что какое нибудь строеніе прежде тамъ находилось. Дворы, по обыкновенію, сибирскихъ татаръ построены либо деревянные, либо, по бухарскому обыкновенію, изъ нежжонныхъ кирпичей, потому что съ того времени вовсе пропало“...

Очевидно, почтенный историкъ производилъ осмотръ этой мѣстности только нагляднымъ образомъ, мы же имѣемъ въ рукахъ обломки кирпичей большой величины, прекрасно обожженные такъ, что не худо бы было эту археологическую древность имѣть нашимъ современнымъ кирпичнымъ заводчикамъ, авось бы ихъ произведенія покраснѣли отъ стыда и ожесточились бы при видѣ вражьяго продукта хоть на половину того, на сколько жестокъ кирпичъ Кучума.

И такъ съ 26 октября:

Царь Кучумъ въ степяхъ горюетъ
По своемъ богатомъ царствѣ,
А въ большихъ его палатахъ
Казаки сидятъ за чарой,
Поминаютъ Русь святую
И московскаго царя.
Впереди сидитъ начальникъ
И большой ихъ воевода,
Первый въ боѣ и совѣтахъ
Тотъ Ермакъ ли Тимофеичъ....
Справа—грозный воевода
Атаманъ Кольцо отважный,

Буйну голову повѣсивъ;
Слѣва — весел и разгуленъ
Съ полной чарою глубокой
Атаманъ Гроза сидитъ.
На другомъ концѣ пируютъ
Три другіе атамана:
Мещерякъ, Михайловъ съ Паномъ.
(П. П. Ершовъ).

Къ этимъ историческимъ именамъ прибавимъ еще безъ именныхъ пять священниковъ и одного монаха, а для полной картины пира походную музыку, бывшую, по словамъ историковъ, въ дружинѣ Ермаковой. Не погрѣшая противъ истины, можемъ прибавить, что всѣ присутствующіе одѣты щегольски и богато (въ этомъ порукой намъ лѣтописи), а щегольство и богатство того времени таково: сверхъ короткой рубашки, вышитой шелками и даже золотомъ на рукавахъ и воротникѣ, которые выставлялись изъ подъ одежды, надѣто узкое и короткое полукафтанье, едва достигающее до колѣнъ, сшитое изъ тонкой матеріи, съ бархатнымъ или парчевымъ высокимъ стоячимъ воротникомъ. Сапоги короткіе, по большей части изъ Персидскаго сафьяна, остроносые, съ высокими каблуками.... (Олеарій)

Самъ Ермакъ плечистый, средняго роста мужчина, плосколицый, съ черною бородой, немного кудреватъ; если ко всему этому прибавимъ, что Ермакъ былъ велемудрый риторъ, то этимъ и истощимъ весь запасъ нашихъ свѣдѣній о личности завоевателя Сибири. О другихъ его сподвижникахъ мы и того не

имѣемъ; знаемъ только гдѣ, и когда, при какомъ дѣлѣ, каждый изъ нихъ свою буйную голову сложилъ.

За палатами жъ Кучума
На дворѣ большомъ — гуляютъ
Удалые казаки....

Эта масса, выдѣлившая изъ своей среды Ермака съ вышеупомянутыми его помощниками, для насъ представляется безформенною кучей

Смѣсью одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!
Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ....

сплоченной въ одно желѣзною рукою Ермака и дисциплинированная имъ различными способами, начиная съ позорной выставки передъ товарищами и кончая смертной казнію.

Не долго пришлось раздумывать о своемъ будущемъ новымъ владѣльцамъ столичнаго града Сибири: едва успѣли они осмотрѣться на новомъ мѣстѣ, добычу свою подѣлить, жилищамъ татарскимъ русскаго духу придать, какъ ужъ двигался къ нимъ караванъ вѣтвисто-рогихъ, влача за собой легкія нарты съ людьми и поклажей — это былъ князь остятскій Бояръ съ поклономъ и дарами новому владѣльцу Ермаку. Ласково встрѣтилъ прибывшихъ новый владыка, принялъ дары, угостилъ, обласкалъ ихъ, а тѣ обѣщались платить ему дань и въ вѣрномъ подданствѣ къ нему оставаться, въ чемъ и клялися, а для клятвы такой былъ обычай: вынесли знамя, острою саблей собаку разсѣкли, и кровавую саблю подъ знаменемъ цѣловалъ присягавшій.

Конечно, угощенный и обласканный Бояръ не замедлилъ добрую рѣчь распустить о пришельцахъ „и мнози начаша приходити татаровя съ женами и дѣтьми; и начаша жити въ первыхъ своихъ домѣхъ“.

Укладывалась жизнь Сибиряковъ въ старое свое русло, изъ котораго выгнало ихъ нашествіе нежданныхъ гостей. Да и жизнь самихъ этихъ пришельцевъ начала укладываться въ русло исконнаго русскаго быта, изгнанная оттуда на своей родинѣ буйной волей непокорливой. Теперь на этомъ холмѣ, въ стѣнахъ этого царственнаго города они могли снова войти въ колею семейнаго уклада, имъ нечего уже было бояться, что противъ нихъ:

Супостатъ злодѣй, воевода лихой,
Высылаетъ отъ Казани часты высылки,
Высылаетъ все высылки стрѣлецкія....

(Старая разб. пѣсня).

Теперь могли они сказать про себя дѣйствительно, а не въ ироническомъ смыслѣ:

„А мы братцы, вѣдь не воры, не разбойники,
Мы люди добрые“....

Позади себя они считали уже страданіе за святую Церковь, за вѣру православную.

О дальнейшемъ пребываніи здѣсь Ермака съ товарищами мы будемъ говорить далѣе; теперь же посмотримъ на это мѣсто въ его настоящемъ видѣ.

Покойный П. П. Ершовъ такъ описываетъ дорогу, ведущую изъ Тобольска по направленію къ Искеру:

„Вотъ дорога столбовая,
Въ перспективной красотѣ

По холмамъ перебѣгая,
Изчезаетъ въ высотѣ.
Что за роскошь, что за нѣга,
Между поля и лѣсовъ,
Въ вихрѣ молнiйнаго бѣга
Мчаться прытью скакуновъ!
Прихотливо прахъ летучiй
Темнымъ облакомъ свивать,
И громаду пыльной тучи
Свѣтлой искрой разсѣкать!
Съ русской мощною отвагой
Беззаботно съ вышины
Низвергаться въ глубь оврага
Всѣмъ наклономъ крутизны!
И опять гремя телѣгой,
По зыбучему мосту
Всею силою разбѣга
Вылетать на высоту!....
Вотъ блеснули муравою
Шелковистые луга,
И бѣгутъ живой волною
Въ переливѣ вѣтерка;
Здѣсь цвѣточной вьются нитью,
Тутъ чернѣютъ тѣнью рвовъ,
Тамъ серебряною битью
Осыпаютъ грань холмовъ....
Вотъ широкою стѣною
Поднялся вѣтвистый лѣсъ,
Обхватилъ поля собою
И въ сѣдой дали изчезъ.

Вотъ поскотина; за нею
Поле стелется; а тамъ,
Чуть сквозь тонкой паръ синѣя
Домы мирныхъ поселянъ.
Ближе къ лѣсу—чистополье
Кормовыхъ луговъ, и въ немъ
Въ пестрыхъ группахъ на раздольѣ
Дремлетъ стадо легкимъ сномъ.
Вотъ залѣсье: тутъ свѣтлѣетъ
Нива въ зелени луговъ,
Тутъ подъ жаркимъ небомъ зрѣетъ
Золотая зыбь хлѣбовъ,...
А вдали. въ струяхъ играя
Переливомъ всѣхъ цвѣтовъ,
Блещетъ лента голубая
Черезъ просѣку лѣсовъ".

Миновавъ деревню Алемасову, съ версту приходится ѣхать по заросшимъ колеямъ дороги; съ лѣва—„золотая зыбь хлѣбовъ", гдѣ „колеблемый порою перелетнымъ вѣтеркомъ, колосъ жатвенный въ покоѣ наливается зерномъ"; на право „блещетъ лента голубая черезъ просѣку лѣсовъ". Мы идемъ по мѣсту, какъ говоритъ преданіе, занятому прежде жилищами воиновъ Кучума, дорога оканчивается у изгороди, за которой существуетъ не большой оврагъ, оканчивающійся почти отвѣсной стѣной—мѣстомъ бывшей резиденціи Этигера, Кучума, Ермака, Алея и Сейдекъ Бекбулатова.

300 лѣтъ слишкомъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ пало Кучумово царство, и съ холма, на которомъ

была его столица, едвали осталась и четверть. На имѣющемся у меня планѣ, снятомъ 60 лѣтъ назадъ, уже нѣтъ многаго: курганъ, по всей вѣроятности бывшій въ срединѣ города и означенный на картѣ на самомъ обрывѣ, теперь уже не существуетъ; ямы, означенныя въ 15 саженяхъ отъ обрыва, въ настоящее время на самомъ краю его; пройдетъ еще не много лѣтъ и этотъ холмъ будетъ существовать только въ преданіи, на планахъ да фотографіяхъ. При первомъ посѣщеніи этотъ холмъ ни чѣмъ не отличается отъ множества подобныхъ ему въ окрестностяхъ Тобольска, сооруженныхъ самой природой: но, пробывъ тутъ дня два, три, оріентируешься и ясно видишь дѣло рукъ человѣческихъ: въ сорока пяти саженномъ оврагѣ различаемъ и рвы, и валы, и искуственный путь къ р. Сибиркѣ и легендарному колодцу, и дѣлаются понятными бревна, торчащія въ обрывистой стѣнѣ холма. Я не буду описывать панорамы, открывающейся передъ глазами посѣтителя этой мѣстности—тутъ нужны не слова, а краски и кисть въ рукахъ искусстнаго художника.

Скользя по заросшему полынью и клубничникомъ склону, не безъ труда поднялись мы на городище, заросшее дикорастущими травами—ширь понорамы, растилающаяся подъ ногами, кружитъ голову и съ невольнымъ страхомъ держишься по далѣе отъ края обрыва. Длина холма не болѣе 120 саженъ, заканчивается острымъ мысомъ. Поддавшись царящей здѣсь тишинѣ, молча, какъ по кладбищу, прошли мы это мѣсто, путаясь въ травѣ и обходя жилища му-

равьевъ, единственныхъ современныхъ обитателей бывшей столицы. Еще разъ полюбовавшись широкой картиной, мы спустились въ главный ровъ, а затѣмъ повернули на право, и потонули въ цвѣтахъ и зелени;—тропинка, ведущая къ колодцу и Сибиркѣ, густо заросла, тутъ были: голубые дельфинки выше человѣческаго роста, золотился царскій скипетръ, скромно выглядывала изъ зелени Lilimum martagon, или по сибирски сарана, ятрышникъ съ своимъ благоухающимъ запахомъ, роскошная листва папоротниковъ, мать-мачихи, лабазника, малинника, усыпаннаго ягодами; все это путалось, перемѣшивалось и представляло прекрасный, хоть нѣсколько затруднительный, спускъ; изъ подъ ногъ выскакивали лягушки, и вспоминались дѣтскія сказки о царицѣ, обращенной въ лягушку, вспоминались и стихи Ершова:

И царица молодая
Съ разгорѣвшими щеками
Вновь мелькнула по дорожкѣ
Легкой серною на холмъ...

Вотъ и конецъ спуска. Передъ нами въ густыхъ зарosляхъ осоки и массы съ крупными голубыми цвѣтами незабудокъ журчитъ Сибирка, пробивая себѣ путь чрезъ навалившіеся въ нее стволы старыхъ деревьевъ; на право колодезь, который нѣкоторые считаютъ подземнымъ ходомъ, и куда, какъ говоритъ преданіе, спасавшійся бѣгствомъ Кучумъ. бросилъ часть своего богатства. Въ настоящее время, благодаря неумѣлымъ археологамъ, срубившимъ защищавшія его деревья, онъ почти цѣликомъ затянутъ

глиной, десять же лѣтъ назадъ мы видѣли прекрасно сохранившуюся окладку изъ толстыхъ досокъ лиственицы; эта окладка шла съ трехъ сторонъ, съ четвертой же, со стороны холма деревянная окладка на второмъ аршинѣ сверху оканчивалась подгнившимъ бревномъ. Находившаяся тутъ вода мѣшала изслѣдовать былъ ли туда дѣйствительно ходъ, но длинный шестъ идетъ туда и не касается никакой стѣны. Этотъ колодезъ, по словамъ старика крестьянина, былъ сверху обложенъ каменными плитами.

— „На моихъ памятяхъ", говорилъ (въ 1880 г.) старикъ, были тутъ каменныя плиты—крестьяне Алемасовскіе разобрали въ печи, да видно зарокъ былъ у татаръ наложенъ: всѣ перемерли, которые плиты-то взяли,... не приведи Богъ и богатство его искать".

Сдѣлавъ набросокъ колодца и напившись ледяной воды изъ Сибирки, двинулись мы, по теченію ея, огибать холмъ Искера и пришли къ ея впаденію па солнечный свѣтъ, не проникавшій въ ущелье Сибирки. Чрезвычайно характерно выглядитъ утесъ Искера, если смотрѣть на него съ того мѣста, гдѣ Сибирка впадаетъ въ Иртышъ.

Отступившій въ свои обычные берега, Иртышъ дозволилъ намъ сдѣлать прогулку у подножія холма, и мы двинулись на западъ, постоянно перешагивая небольшія канавки, въ которыхъ по охристому грунту сочились ключи чрезвычайно холодной воды. Береговой грунтъ, составившійся изъ постоянно обваливающагося нагорнаго берега, былъ для насъ очень интересенъ, и мы почти на каждомъ шагу наклоня-

лись, чтобы поднять изъ всосавшей почвы какую нибудь, бросавшуюся въ глаза, вещь; но, большею частію, снова бросали ее, такъ какъ куски и кусочки бураго, охристаго желѣзняку своими причудливыми формами вводили насъ въ обманъ. Трофеями этого похода были: небольшой зубъ мамонта, обломокъ чугуннаго котла, окаменѣлое дерево и костяная стрѣла; видѣли куски человѣческаго черепа, развалившагося по швамъ, но останавливаться надъ нимъ à la Гамлетъ не сочли удобнымъ: береговая стѣна постоянно давала намъ предостереженія въ видѣ снисходящихъ сверху пыльныхъ облачковъ, окружающихъ катящіяся оттуда, глыбы земли; а потому, не желая сдѣлаться сами предметомъ изысканій будущихъ археологовъ, мы спѣшили добраться до Алемасовскаго подъема. Здѣсь обратили на себя вниманіе лежащія на берегу грузила, обдѣланныя въ деревянныя рамы, глыбы плавленнаго чугуна той же формы и того же качества, какъ и найденныя нами при раскопкахъ на Чувашскомъ мысу. По ущелію начали мы подниматься на гору. Круто идущая узенькая тропинка, постоянно прерываемая глубокими канавками, вотъ единственный путь къ рѣкѣ, по которой Алемасовскія крестьянки таскаютъ во всякую погоду коромыслами воду для себя и, вѣроятно, для своихъ животныхъ, потому что врядъ-ли какая скотина рѣшится идти по подобному головоломному пути.

Чтобы не потерять даромъ вечеръ, отправились мы въ деревеньку Котину (въ двухъ верстахъ отъ Искера), состоящую изъ двухъ дворовъ, принадлежа-

щихъ братьямъ Котинымъ. Черезъ лѣсъ, или лучше сказать черезъ паркъ заимки Тизенгаузенъ (нынѣ Абалацкаго монастыря), мы скоро достигли желаннаго мѣста: домики оказались пустыми, только громадная цѣпная собака, бросившаяся на насъ, да двое миніатюрныхъ голоногихъ ребятъ, бросившихся отъ насъ, были живыми субъектами этой мѣстности.

Видѣть Искеръ и не побесѣдовать съ Котиными, было для насъ не малымъ разочарованіемъ. Котины ведутъ свой родъ отъ казака, пришедшаго съ Ермакомъ и получившаго, какъ говоритъ ихъ родовое преданіе, отъ завоевателя Сибири въ потомственное владѣніе всю землю, принадлежащую деревнѣ.

Слѣдующія поколѣнія оформили эту дарственную и владѣли землей до конца прошедшаго столѣтія; пожаръ, бывшій у Котиныхъ, истребилъ ихъ документы, а пожаръ Тобольска (въ 1788 г.), уничтожившій архивы, сдѣлалъ ихъ окончательно бездоказательными землевладѣльцами и низвелъ на степень крестьянъ, платящихъ подати и владѣющихъ землей на правахъ всѣхъ вообще крестьянъ.

Лишившись возможности побесѣдовать лично съ этими остатками отъ историческаго прошлаго, мы здѣсь говоримъ о нихъ только со словъ другихъ: родъ Котиныхъ не вымиралъ и не умножался: лишь только въ семьѣ подросталъ работникъ мужескаго пола, какъ старшій въ родѣ умиралъ. Не смотря на большое количество хорошей земли со всѣми угодьями, широкая натура съ казацкимъ стремленіемъ—не думать о будущемъ—держитъ ихъ на степени посред-

ственнаго крестьянскаго благосостоянія. Сохраняя и передавая дѣтямъ о своемъ родоначальникѣ, хранятъ-ли они какія другія преданія о прошломъ? На этотъ вопросъ мнѣ не дали отвѣта.

Походивъ по Котинскимъ владѣніямъ, осмотрѣвъ небольшіе курганы съ ямами, мы возвратились домой.

Второе утро мы посвятили осмотру кладбищъ. Какъ разъ противъ колодца на лѣвомъ берегу Сибирки есть ровная зеленѣющая площадка, составляющая уступъ горы; на старомъ планѣ эта мѣстность обозначена названіемъ „древнее кладбище": небольшія продолговатыя ямы—вотъ все, что только можно здѣсь видѣть. Невольно рождается мысль, не кладбище ли это русскихъ, умиравшихъ на Искерѣ: во первыхъ лѣтописи, говоря о смерти князя Семена Болховскаго, указываютъ на мѣсто его погребенія „и погребенъ бысть въ Сибири"; во вторыхъ, зная какъ чтутъ татара свои кладбища, трудно предположить, чтобы они оставили это мѣсто въ такомъ заброшенномъ видѣ, тѣмъ болѣе, что нѣсколько далѣе, на самомъ верху горы, у нихъ покоится прахъ какого-то чтимаго святаго; куда они дважды въ годъ съѣзжаются со всѣхъ окрестностей творить поминки и молиться цѣлую ночь.

До 29-го мая 1881 года тамъ стояла небольшая молельня, но въ этотъ день по словамъ однихъ —отъ неосторожности, а по словамъ другихъ—по злобѣ, загорѣлся преображенскій лѣсъ и онъ и памятники татарскіе уничтожились. Тяжелое чувство охватило насъ при видѣ черныхъ обгорѣлыхъ ство-

ловъ съ поднятыми вверхъ вѣтвями, словно воздѣтыя руки къ небу съ молитвой: да ниспошлетъ оно русскому человѣку болѣе бережливости къ своему природному богатству.

Перебравшись снова на Искеръ, мы сдѣлали измѣреніе самаго широкаго его мѣста. Миллеръ 160 лѣтъ тому назадъ нашелъ здѣсь 50 саженъ, на нашемъ планѣ двадцатыхъ годовъ обозначено 40, а мы нашли только 15. Пусть же люди математическаго разума исчислятъ годъ окончательнаго исчезновенія нашего историческаго памятника. Оканчивая измѣреніе, мы бросили взглядъ внизъ и замѣтили сильно вдавшійся въ рѣку мысъ—вчера при нашей прогулкѣ его не было, ночной обвалъ придалъ новую обстановку этой мѣстности: по желтѣвшему безжизненному склону въ настоящее время тамъ и сямъ зеленѣли небольшія красивыя группы калины, черемухи, перевитой хмѣлемъ рябины, и торчали остатки плетня, стоявшаго вчера еще далеко отъ края, кое гдѣ сквозь желтизну почвы прорѣзывались бѣлыми пятнышками человѣческія кости, значитъ, и на этомъ мѣстѣ „жилища воиновъ“ было когда-то кладбище. Теперь верхнимъ краемъ обрыва служило только-что вспаханное подъ озимь поле, часть крестьянскихъ трудовъ была ужъ подъ горой. Подобная картина, конечно, не поощряла къ дальнѣйшимъ прогулкамъ по берегу, обильному разными остатками отъ различнаго прошлаго, начиная съ доисторическаго мамонта и кончая не историческимъ зубцомъ отъ Алемасовской бороны; но мысль о томъ, что ходятъ же другіе, авось...., и

это великое слово придало намъ храбрости спуститься и двинуться вдоль берега къ юго-западу. Цѣлью нашего путешествія былъ Соусканскій мысъ. -историческое мѣсто съ древнимъ, чтимымъ татарами, кладбищемъ; тамъ, какъ говорилъ намъ старикъ крестьянинъ, близь одной вѣковой, въ обхватъ березы, стоитъ каменная плита съ надписью, которую ни татара ни русскіе прочесть не могутъ. И плита эта все ростетъ и ростетъ.

Мы улыбнулись.

— Ну, да вотъ вамъ смѣшно, а вотъ, когда я мальчишкой былъ, такъ она съ меня была ростомъ, я выросъ, а она опять съ меня ростомъ.

Въ послѣдствіи увидѣвъ эту плиту, мы заочно извинились передъ старикомъ крестьяниномъ въ своемъ недовѣріи къ его словамъ.

Декорація нашего пути тѣ же самыя, что вчера: на лѣво зеркальный Иртышъ, справа угрожающая обваломъ тридцатисаженная стѣна; та же почва подъ ногами, перерѣзанная ключами. Путь оказался не такимъ близкимъ, какъ это мнилось намъ съ Кучумовой горы: солнце, стоявшее высоко при нашемъ спускѣ на берегъ, бросало уже длинную тѣнь отъ берега на рѣку, когда мы добрались только до половины—до лѣсистыхъ береговъ деревни Соляной. Здѣсь тишина и безмолвіе, сопутствовавшія намъ прежде, были нарушены грозными окриками съ высоты, къ намъ неслись оттуда совѣты, пересыпанные бранью, убираться отъ ихъ мѣстъ подальше, въ противномъ-де случаѣ встрѣтятъ насъ ружьями. Удивленные столь

воинственной отвагой мирныхъ доселѣ жителей, мы подняли головы и остановились полюбоваться картиной: вершина стѣны увѣнчанная деревьями, сквозь которыя пробивались лучи солнца, была очень еффектна; слой же земли, скрѣпленный корнями и травой, висѣлъ драпировкой надъ блѣдно-желтой голой стѣной; изъ подъ этого навѣса, спугнутыя крикомъ, безпокойно шныряли бѣлыя птицы—это, по словамъ моего спутника туземца, были, такъ называемыя здѣсь, „полуночники" величиной съ индѣйку, какъ говорилъ онъ, и отъ одного конца крыла до другого болѣе двухъ аршинъ. Сулоцкій при описаніи Абалацкаго монастыря замѣчаетъ, что нѣкоторые полагаютъ, что названіе мѣсто Абалакъ произошло отъ бѣлой совы, которая по татарски называется ябалакъ и которыхъ, будто-бы тутъ много.

Брань и крики невидимыхъ враговъ нашихъ продолжались и сообразивъ, что они могутъ гораздо лучше всякаго ружья удружить намъ, спустивъ на наши головы глыбу земли, мы прервали свое эстетическое созерцаніе и двинулись дальше.

Конецъ нашего пути при Соускапскомъ мысѣ представлялъ зеленѣющую, или правильнѣе сказать, пестрѣющую цвѣтами террасу, къ которой примыкалъ, заросшій деревьями, полого спускающійся мысъ.

Возвращавшійся съ работы крестьянинъ остановился здѣсь, чтобы накосить себѣ цвѣтоваго сѣна. При ближайшемъ нашемъ знакомствѣ онъ оказался очень любезнымъ крестьяниномъ: за очень ничтожную плату согласился отвѣсти насъ домой, а узнавъ цѣль

нашей прогулки, онъ, поручивъ свою лошадь бывшимъ съ нимъ дѣтямъ, тотчасъ же повелъ насъ къ самому лѣсу, гдѣ, въ густыхъ заросляхъ кустарниковъ, подъ тѣнью вѣковыхъ березъ, ютились характерныя татарскія надгробныя загородки. По его словамъ, искомый нами камень стоялъ подъ березой еще нынѣшней (1881 г.) весной.

Мы отыскали и березу, далеко недостигающую въ своемъ объемѣ человѣческаго обхвата, какъ говорилъ намъ старикъ, плита разбитая на двѣ неровныя части, лежала на полу; приставивъ ее къ дереву, я принялся за набросокъ: длина плиты была съ небольшимъ два аршина, ширина около трехъ четвертей, толщина въ ладонь, верхній конецъ ея былъ закругленно-заостренъ. На немъ былъ красивый, въ восточномъ вкусѣ, выпуклый орнаментъ, подъ которымъ шли въ углубленіяхъ строчки восточныхъ рельефныхъ буквъ, буквы и орнаментъ, судя по остаткамъ, были когда-то вызолочены, а углубленія между ними закрашены черной краской. Орнаментъ и надпись занимали 2/3 плиты. Кромѣ того съ боку, тоже въ углубленіи, была еще надпись, по характеру буквъ, различавшаяся отъ главной. Кромѣ этихъ рельефныхъ, подъ ними было еще нѣсколько, безпорядочно разбросанныхъ, мелкихъ врѣзанныхъ надписей. При тщательномъ осмотрѣ камня мы нашли, что двѣ трети его сверху значительно вывѣтрились и покрыты наростами лишаевъ, а нижняя часть совершенно нова и свѣжа и постепенно переходитъ къ древнему виду верхняго края. Затѣмъ, при осмотрѣ мѣстности, гдѣ

онъ стоялъ, мы нашли, что его мало по малу выпиралъ изъ земли толстый отростокъ корня.

Чтобы не возвращаться еще разъ къ этой плитѣ, мы здѣсь приведемъ о ней свѣдѣнія, добытыя нами позже: подъ этимъ камнемъ лежалъ прахъ Маметъ Мурата Азбакѣева, Тобольскаго юртовскаго служилаго татарина; дальнѣйшія строчки молили Бога объ успокоеніи его, въ боковой же надписи, по бухарски значилось, что памятникъ дѣлали въ Казани 1696 году.

Покончивъ свое обозрѣніе, мы двинулись обратно. Что за прелесть этотъ узкій, пологій подъемъ въ густой аллеѣ изъ липъ, березъ и сосенъ! Что за прелесть картина на самомъ верху его! Справа густой лѣсъ, охраняющій крѣпко-сплотившіяся татарскія могилы; слѣва обширная панорама зеленыхъ луговъ, желтыхъ пятенъ хлѣбныхъ полей, озерковъ и рѣчушекъ, заканчивающаяся фіолетовымъ силуетомъ далекаго Тобольскаго кремля, отчетливо рисующимся на золотистомъ, отъ только что скрывшагося солнца, фонѣ.

Чу! въ черемухѣ душистой
Безъ печали, безъ заботъ,
Перекатно—голосисто
Птичка вольная поетъ....
Какъ чудесна мать природа....
Все въ ней—жизнь и свѣтъ и звуки.

— Ни одного прутика, прерываетъ мою мечту возничій, не срѣжутъ эти татара, коли бурей дерево обронитъ, такъ тутъ и мохомъ обростетъ и сгніетъ тутъ.

— Глянь-ко, обращается къ намъ дочь его, дѣвочка лѣтъ 14, съ нѣжностію матери, укутывая своимъ шабуромъ маленькаго братишку, глянь-ко, малины то сколь стра-а-асть, а ягодки не смѣй тронуть!

И смотримъ мы по ея указанію: колеса телѣги цѣпляются за малинникъ, и переспѣвшія ягоды какъ кровавыя слезы падаютъ на могилы почившихъ.

— Вотъ тутъ кончается татарская земля, наша пошла, русская. Но и безъ словъ возницы мы видимъ, что наша пошла—съ остатками пней, съ жиденькими корявыми порослями березняка.

Потянулись пашни съ заканчивающими работы крестьянами. Здѣсь мы узнаемъ причину непривѣтливыхъ окриковъ, слышанныхъ нами свыше во время берегового нашего шествія: изъ города отъ исправника гонецъ былъ, приказано обходы назначить: сбѣжали изъ тюрьмы двое арестантовъ.

— Въ саму ту горячу пору работу бросай, волновались крестьяне, да лови бѣглыхъ, которыхъ они тамъ не караулятъ, какъ слѣдуетъ.

Очевидно, что мы, двое безъ дѣла шляющіеся туриста, и были привѣтствованы на берегу, какъ бѣжавшіе изъ острога.

Хорошо было отдохнуть послѣ цѣлодневнаго странствованія по горамъ и оврагамъ. Мѣстомъ этого отдохновенія служитъ намъ, клонящаяся къ разрушенію, терраса барско-чиновнаго дома. Темно-синее небо съ показывающимися на немъ звѣздами громадной чашей прикрываетъ все, далеко видимое нами, пространство; темной стѣной стоятъ громадныя пихты и

ели, наполняющія теплый воздухъ своимъ смолистымъ ароматомъ; издали послышалась пѣсня Алемасовскихъ женщинъ, покончившихъ свою работу. Визгливо-крикливая мелодія, конечно, ниже всякой музыкальной критики, но здѣсь при подобной обстановкѣ больно хороша она, и дополняетъ цѣлостность общаго, миротворно дѣйствующаго на душу. Ближе и ближе пѣвицы, и можемъ разобрать уже слова:

„Посадили раз-Алешу въ бѣло-каменный домокъ,
Въ бѣло-каменный домокъ, во Саратовскій острогъ
Посадили на недѣлю, просидѣлъ Алеша годъ!“

какъ видитъ читатель, авторъ этой пѣсни—зауральскій цивилизаторъ, язва нашего края. Нахально онъ описываетъ автобіографію, самообольщаясь, что когда

Посадили раз-Алешу его задомъ напередъ.
Объ немъ всплакалъ весь народъ.

Слова этой пѣсни такъ не гармонировали со всѣмъ окружающимъ, что дѣлалось непонятнымъ, почему вспало на умъ, послѣ трудовъ своихъ затянуть именно эту пѣсню. Ужъ не испаренія ли, встающія туманами съ этой почвы, удобренной нѣкогда кровію подобныхъ раз-Алешъ, бывшихъ въ сподвижническихъ Ермаковыхъ рядахъ, повліяла на пѣвицъ въ ихъ выборѣ романса.

Но раз-Алеши дружины Ермаковой, поселясь здѣсь, считали свое прошлое, сознаваемое ими преступнымъ, уже заглаженнымъ и врядъ-ли считали достойнымъ памяти.

Съ комфортомъ нравственнымъ—спокойной совѣстію и съ комфортомъ матеріальнымъ, добытымъ

побѣдами, начинали новую жизнь новые поселенцы града Сибири. Чтобы представить себѣ хотя туманную картину жизни нашихъ удальцовъ, сдѣлаемъ выписку изъ соч. Костомарова*). „Спокойная и обезпеченная жизнь на одномъ мѣстѣ позволяла располагать временемъ по произволу. Вставая отъ сна, русскій тотчасъ искалъ глазами образъ, чтобы перекреститься и взглянуть на него; сдѣлать крестное знаменіе считалось приличнѣе, смотря на образъ. Тотчасъ послѣ оставленія постели, надѣвалось бѣлье, и начиналось умыванье, послѣ чего одѣвались и приступали къ молитвѣ; въ комнатѣ, назначенной для моленья, собиралась вся семья и прислуга, зажигали лампады и свѣчи, курили ладаномъ. У знатныхъ особъ, у которыхъ были свои домовые священно-служители", (а при Ермакѣ таковые находились), „молитвы, заутреню и часы служилъ священникъ, а пѣлъ дьячекъ, послѣ утренняго богослуженія священникъ кропилъ святой водой, Окончивъ молитвословіе, погашали свѣчи, задергивали пелены на образахъ, и всѣ расходились къ домашнимъ занятіямъ".

Въ ризницѣ Тобольскаго собора хранится небольшой поставецъ съ иконами Ермака,**) къ сожалѣнію

*) Очеркъ домашней жизни великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

**) Ермаковыхъ иконъ въ соборѣ прежде было и не мало: но однѣ изъ нихъ, какъ замѣчательныя исторически, преосвященными Тобольскими отправляемы были для поднесенія Государямъ Императорамъ по случаю восшествія ихъ на престолъ или коронованія, а другія розданы въ благословенія важнымъ лицамъ напр. Сибирскимъ Губернаторамъ и проч. Прот. Сулоцкій.

неразумный ресторатор уничтожил древнюю иконную письменность масляными красками.

Возвратимся къ Костомарову. „Въ утреннее время считалось нужнымъ обойти службы.... возвратившись послѣ такого обзора, хозяинъ призывалъ дворецкаго, давалъ распоряженія къ домашнимъ работамъ, разбиралъ дѣла между слугами.... Въ полдень наступало время обѣда, послѣ чего ложились отдыхать. Это былъ повсемѣстный и освященный народнымъ уваженіемъ обычай. Вечеръ въ домашнемъ быту былъ временемъ развлеченія“.... Между развлеченіями не малую роль играли: кулачные бои, и „игры имѣвшія цѣлію выигрышъ: зернь, карты, шахматы и тавлеи или шашки. Зернь были небольшія косточки съ бѣлою и черною стороною. Выигрышъ ихъ опредѣлялся тѣмъ, какою стороною упадутъ онѣ, если будутъ брошены... Зернь и карты были повсемѣстны, особенно между служащими людьми. Русскіе распространили употребленіе ихъ между инородцами Сибири“. (Н. Костомаровъ).

Вотъ канва, по которой предлагаю читателю съ поэтическимъ воображеніемъ изобразить день Ермака и его сподвижниковъ на живописномъ холмѣ Искера. Какъ видимъ, не затѣйлива была жизнь нашихъ предковъ, разнообразившаяся только праздниками съ болѣе длинными моленіями, да съ болѣе обильными яствами и питьемъ,

И вотъ, должно быть, чтобы отпраздновать достойно чтимый русскими, день угодника Николая, (6 декабря) двадцать человѣкъ спустились 4 декабря

съ холма и отправились подъ Абалакъ на ночевую, наловить тамъ рыбы.

Тридцать восемь сутокъ покойнаго житья во вновь завоеванной столицѣ, отовсюдныя заявленія покорности и дани, пріучили казаковъ считать себя хозяевами и быть какъ дома безъ опаски. Но не считалъ ихъ за хозяевъ, оправившійся отъ ранъ, богатырь Махметъ-Кулъ. Заснувшимъ на рыбалкѣ, не пришлось проснуться: отъ временнаго сна, подъ ножами татаръ перешли они въ вѣчный покой. Понятно, какъ подѣйствовала эта новость въ Искерѣ: „Ермакъ же о семъ оскорбися много зѣло и на гнѣвъ подвижеся, и возъярися сердцемъ вельми, и повелѣ дружинѣ своей преполсатися оружіемъ и шедъ на бранъ“. Схватка съ нагнатымъ врагомъ была жестокая, „отъ смертныхъ пораженій падаютъ трупія мертвыхъ отъ обою сторонъ“. Ночь разлучила враждующихъ.

Вмѣсто праздничнаго пиршества, пришлось хоронить своихъ товарищей, и въ первый разъ огласился Искеръ печальною похоронною пѣснію: зазвучала похоронная на высокомъ холмѣ, спускалась въ логъ и снова поднялась къ послѣднему мѣсту вѣчнаго покоя *). Раскинулась передъ глазами хоронившихъ бѣлая ширь снѣговаго пространства,—ничтоженъ кажется въ сравненіи съ этой ширью и холмъ Искера,

---

*) Въ исторіи Карамзина сказано, что „тѣла убитыхъ похоронены на Саускаскомъ (Соускановскомъ) мысу, близь Искера, гдѣ было древнее ханское кладбище“. Но въ этомъ позволительно усомниться, такъ какъ во первыхъ, лѣтописи объ этомъ не упоминаютъ, а во вторыхъ, Соусканскій мысъ не очень то близокъ къ Искеру (верстъ 7 или 8). М. Зп.

и не по пространству мала группа нашихъ казаковъ. Не мелькнуло ли въ душѣ Ермака при этой обстановкѣ: „убываютъ наши, убываютъ“. И не направилъ ли онъ впервые свое дальнозоркое око на западъ съ мыслію, какъ выражается П. Небольсинъ, (Покореніе Сибири): „Пропадай моя волюшка, золотая долюшка, но не гибни доброе дѣло“.

Зима.... кончился первый актъ драмы, актеры разошлись по своимъ уборнымъ:

Царь Кучумъ въ степяхъ горюетъ:

Богатырь Махметъ-Кулъ предъ огнемъ татарскаго чувала вспоминаетъ свою прошлую неудачную игру и думаетъ крѣпкую думу; Ермакъ въ Искерѣ думаетъ о будущемъ; но туманно оно, какъ туманенъ весь пейзажъ, покрытый снѣгомъ, который какъ театральный занавѣсъ невидимой рукою, тихо спускается на сцену, покрывая слѣды осеннихъ событій, кровію написанныхъ на страницахъ земли нашей; сыплется пушистый, засыпая и брошенный скарбъ на Чувашскомъ мысу, и кровавое болото у подножія его, и кровь 20 рыбаковъ, пролитую подъ Абалакомъ, и гробовой холмъ, прикрывшій тѣла ихъ и придаетъ всему однообразный, пустынный видъ. Пуста сцена, отдыхаютъ актеры и въ этомъ антрактѣ вой бурановъ и волковъ, какъ мрачный оркестръ, играетъ мрачную увертюру.

Разлучила зима враговъ,—но ни по чемъ она кореннымъ сибирякамъ: чѣмъ крѣпче морозъ, тѣмъ быстрѣе бѣжитъ олень, побрякивая своимъ металлическимъ уборомъ и пощелкивая какъ кастаньетами

своими предкопытными косточками; чѣмъ крѣпче морозъ, тѣмъ звучнѣе и веселѣе мелодія на крѣпкомъ снѣгу, подъ легкимъ полозомъ легкихъ нартъ. Крѣпкій морозъ — лучшая пора визитнаго сезона, и летятъ къ Ермаку гости: князь Ишбердей съ Ескальбинскихъ болотъ, да Суклема, князекъ съ Тобола рѣки; соболь, бобры и другіе дары служатъ хорошей приправой къ ихъ увѣреніямъ вѣрно служить Ермаку и впредь съ ясакомъ появляться. Ласково приняты гости, обычный обрядъ ихъ присяги былъ совершенъ и пиромъ закончилось дѣло. Отрадно, коль въ зимнюю скучную пору къ намъ гости заѣдутъ, случай дадутъ угостить и при этомъ самимъ угоститься. Уѣхали гости, и снова въ Искерѣ все тихо; сидятъ казаки, укрывшися въ теплыя хаты, тѣшатся зернію, тавлей, а коль очень тепло разберетъ, выйдутъ на воздухъ крѣпкіе члены размять игрою кулачной; лишнею думой себя не трудятъ казаки: для этой работы, имъ необычной, есть голова Атамана. И за всѣхъ онъ думаетъ крѣпкую думу, да и много же думъ въ головѣ у него, а главная та, что и самъ то онъ знаетъ отлично, что здѣсь онъ одинъ голова, знаетъ и то, что, положимъ, быть головой хорошо и почетно: дани несутъ, отовсюду почетъ, и нѣтъ надъ тобой кромѣ Бога власти иной, живи въ свою вольную волю; все это ладно, что же потомъ то?

П. Небольсинъ, изучавшій и вдумывавшійся въ Сибирскія лѣтописи, о нравственномъ настроеніи Ермака въ это именно время, такъ говоритъ: „онъ видѣлъ въ себѣ творца неслыханнаго подвига: въ под-

виг҃ѣ этомъ онъ видѣлъ собственное дѣтище, которое онъ лелѣялъ, которымъ нельзя не дорожить. Естественно, что коль скоро для человѣка наступаетъ пора стряхнуть съ себя всю мелочность жизни, подъ вліяніемъ сознанія собственныхъ силъ, при блескѣ собственнаго творенія, не эфемернаго, а вѣковаго, то вмѣстѣ съ этимъ, неразрывно съ любовію къ своему созданію, въ человѣкѣ рождается предчувствіе опасности, скорбь—видѣть погибшимъ свой трудъ, взлелѣенный горемъ, лишеніями, плодами цѣлой жизни — и вслѣдъ за симъ возникаетъ потребность упрочить свой подвигъ".

Да, хорошо жить Ермаку и знать, что нѣтъ надъ нимъ власти кромѣ Бога небеснаго, жить въ свою волюшку, но.... и въ концѣ всѣхъ своихъ думъ порѣшилъ Ермакъ поклониться своимъ дѣтищемъ Царю Московскому. Пропадай моя волюшка, золотая долюшка, но не гибни доброе дѣло, благо и сама судьба наполняетъ приверженцами пространство между нами и русской землей. И намѣтилъ Ермакъ Пиберделя, какъ человѣка, такъ кстати пришедшаго съ своей покорностію, который можетъ сослужить ему важную службу.

Чтожъ могли сказать на рѣшеніе своего Атамана его товарищи совѣтники? Да, пожалуй, ничего иного и не могли сказать, кромѣ того, что влагаетъ имъ въ уста Ершовъ, хотя и при другомъ обстоятельствѣ:

„Гой, Ермакъ нашъ Тимофѣичъ!
Громко всѣ они вскричали:

Ты приказывать намъ можешь,
Мы послушники твои"....

И вслѣдствіе этого рѣшенія въ двадцатыхъ числахъ декабря на Искерѣ необычное движеніе, необычная обстановка, служащая не малой задачей для татаръ и татарокъ, которые „учали жити въ прежнихъ своихъ юртехъ". „Для чего согнано столько оленей, расположившихся группами и представлявшихъ своими вѣтвистыми рогами такую затѣйливую прорѣзь на бѣломъ фонѣ? для чего столько нартъ, употребляющихся для перевозки имущества? ужъ не уходятъ ли прочь пришлые люди, или не собираются ли войной на кого? Но на войну столько тюковъ съ богатою рухлядью люди-бъ не взяли! А много выносится изъ кладовыхъ, и сортируется и упаковывается этой рухляди: для одного Царя отложено 60 сороковъ соболей, 20 сороковъ черныхъ лисицъ, 50 сороковъ бобровыхъ шкуръ; а сколько еще на поклоны боярамъ, дьякамъ на поминки, да разнымъ чинамъ на гостинецъ! Казаки вѣдь русскіе люди, и знали отлично весь русскій обычай.

Въ то время какъ люди, попроще, съ дѣломъ укладки возились, Ермакъ со своими, что разумомъ выше были въ дружинѣ его, слѣдятъ со вниманіемъ, какъ въ грамотѣ хитрый писецъ пишетъ кудрявымъ уставомъ посланье къ Царю. Но вотъ, онъ покончилъ, перо на обычное мѣсто за ухо воткнулъ и громко читать начинаетъ:

„Всемилостиваго, въ Троицѣ славимаго Бога"... Крестомъ осѣнилъ себя авторъ, крестомъ осѣнились

Ермакъ, атаманы и слушаютъ дальше. „Бога и пречистыя Его Богоматери и великихъ Чудотворцевъ всея Россіи молитвами,—тебѣ же государя Царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи праведною молитвою ко всещедрому Богу и счастіемъ—царство Сибирское взяли, царя Кучума съ вои его побѣдиша и подъ твою царскую высокую руку покориша многихъ живущихъ иноземцевъ: Татаръ и Остяковъ и Вогуличь, и къ шерти ихъ, по ихъ вѣрѣ, привели многихъ, чтобы быти имъ подъ твоею Государскою высокою рукою до вѣка, покамѣсть Богъ изволитъ вселеннѣй стояти,—и ясакъ давати тебѣ Великому Государю всегда, во вся лѣта безпереводно. А на русскихъ людей имъ зла никакого не мыслити, а которые похотятъ въ твою государскую службу—и тѣмъ твоя государская служба служити прямо, недругомъ твоимъ государскимъ не спускать, елико Богъ помощи сподастъ, а самѣмъ имь не измѣнить, къ цару Кучуму и въ иные орды и улусы не отъѣхать, и зла на всякихъ русскихъ людей ни какова не думать, и во всемъ правомъ постоянствѣ стояти".

Кончилось чтеніе, Ермакъ, атаманы грамоту эту доброй напли и, умудренный отъ Бога талантомъ, писецъ принялся за новое слово „къ честнымъ людямъ къ Семену, къ Максиму и къ Никитѣ Строгоновымъ".

Посѣщая Искеръ, читатель можетъ быть не разъ проходилъ по тому мѣсту, гдѣ писалось и читалось то, о чемъ только что мы сообщали; но ужъ

давнымъ нѣтъ того мѣста гдѣ 22-го декабря 1581 года все живущее въ Сибирской столицѣ, взоромъ прощальнымъ слѣдила за, двигавшимся по безпредѣльному бѣлому полю, karаваномъ. Конечно, не красота и оригинальность его занимала зрителей; всѣ сознавали, что съ этимъ посольствомъ начиналось для нихъ что-то новое. Было отъ чего людямъ съ состоятельнымъ умомъ подумать, а несостоятельнымъ почесать въ затылкѣ. Особенно была крѣпкая причина для думы начальнику этого посольства—удалому атаману Кольцо; -хоть и шумитъ въ головѣ отъ прощальныхъ чаръ, а нѣтъ, нѣтъ, да и проясниться: вотъ де къ новому знакомому Суклемѣ князьку, тамъ отдохнемъ, да и далѣе къ Ишбердею князьку, а тамъ ужъ волчьей дорогой невѣдомой въ страны родные. знакомые; все тамъ знакомо намъ. да и мы то тамъ вѣдомы, самъ воевода.... но вліяніе прощальныхъ чаръ окончательно испаряется при воспоминаніи о воеводѣ. Кто поручится, что воевода Перепелицинъ не исполнитъ надъ нимъ повелѣнія, два раза повтореннаго царемъ Іоанномъ Васильевичемъ?

„Кто поручится, что воевода повѣритъ бѣглому казаку, не приметъ его вѣсти за сказку?.... (Небольсинъ)

Не весело, обыкновенно, расходятся проводившіе своихъ въ дальній путь, дороженьку; не шумно разошлась и толпа казаковъ къ своимъ обычнымъ дѣламъ.

Прошло два дня и на холмѣ въ первый разъ раздались вѣковые гимны о томъ какъ

„Вдругъ небеса освѣтились, и новое солнце
Звѣзда Вифліема, раздравъ полуночную ризу небесъ,
Явилась надъ мрачнымъ вертепомъ; и Ангелы стройно
Воспѣли хвалебные гимны во славу рожденнаго Бога".
(Ершовъ).

Начались Рождественскіе праздники. Какъ они проводились здѣсь именно, —объ этомъ данныхъ нѣтъ. По Карамзину „казаки и въ пути и въ столицѣ Сибирской вели жизнь цѣломудренную: сражались и молились". Какъ бы ни хотѣлось по этой канвѣ представить себѣ казацкое праздничное времяпрепровожденіе, но, стоя реальной ногой на этомъ реальномъ холмѣ, невольно какъ-то смотримъ на жившихъ здѣсь нѣкогда, лицъ, какъ на живыхъ людей, для которыхъ было-бы чудомъ отрѣшиться отъ прежнихъ своихъ свычаевъ и обычаевъ; а если лѣтописи представляютъ дѣйствительно то, что было, то почему такъ скоро и безслѣдно испарилась вся ихъ не земная чистота? Первый Сибирскій Архіепископъ Кипріанъ, заставшій еще живыми нѣсколько сподвижниковъ Ермаковыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ и, поразившую его, нравственную распущенность.

Будемъ же смотрѣть на обитателей Искера, какъ на обыкновенныхъ смертныхъ, отъ которыхъ, вѣроятно, не мало было въ окружности и слезъ, и горя, и драмъ частныхъ, не вошедшихъ въ лѣтописи, да едва ли и всегда доходившихъ до Ермака „карающаго за всякое дѣло студное".

Не долго въ этомъ году зима томила пришельцевъ: рано потянулись караваны птицъ къ сѣверу,

заиграл походъ горинстъ бродягъ — Кукушка, потянуло и нашихъ, непривычныхъ къ сидѣнью, казаковъ; не сталъ и Ермакъ долго томить свою дружину, собралъ онъ атамановъ своихъ и промолвилъ:

„Рано намъ еще на отдыхъ,
Наше дѣло начатое
Довершить сперва надлежитъ:
Мы Искеръ одинъ лишь взяли,
Остается взять Сибирь.
Грянулъ хоръ ему отвѣтомъ:
Гой Ермакъ нашъ Тимофѣичъ!
Громко всѣ они кричали;
Ты приказывать намъ можешь
Мы послушники твои“....

И 5-го марта, пятидесятникъ Брязга съ отрядомъ двинулся по Иртышу на сѣверъ. Проводили и ихъ товарищи, пожелали имъ удачи и добра, и счастливаго возвращенія; а тамъ какъ „убо зимняя година пройде.... и звѣриной ловлѣ лосьей и оленьей прыснѣвшу.... и рыбной ловлѣ и птичьей бывшу много множество“, то и оставшіеся дома безъ дѣла не сидѣли, а охотились и выслѣживали звѣря по лучше, да по крупнѣе.

А татаринъ Сеибахта Тагинъ, полагать надо, выслѣдилъ звѣря очень крупнаго: не даромъ онъ такъ таинственно пробирается къ нашему набольшому, не даромъ такъ много съ нимъ толкуетъ, указывая Ермаку туда на югъ, туда, гдѣ въ настоящее время, въ ясный лѣтній день, близь горизонта бѣлѣется маленькимъ пятнышкомъ Куларовскій храмъ. И надо

полагать, охота будетъ знатная, потому выбираются Ермакомъ 60 человѣкъ, молодецъ къ молодцу; и силенъ, должно быть имъ намѣченный звѣрь, коли эти 60 молодцовъ вооружаются всѣмъ, что только есть лучшаго у нихъ подъ рукой; а снарядившись такимъ образомъ тихо безъ шуму сѣли они въ свои лодки и двадцатаго апрѣля двинулись въ путь. Что то Богъ дастъ? думаютъ оставшіеся и ждутъ своихъ охотниковъ. Недѣлю пришлось ихъ ждать, и 28-го апрѣля веселы и радостны, съ богатымъ уловомъ, явились они въ Искеръ къ Ермаку.

„Будь здоровъ нашъ воевода!
Милосердіемъ Господнимъ
И казачьей нашей силой
Мы побили вновь невѣрныхъ:
На рѣкѣ на той, Вагаѣ,
Взяли мы Махмета-Кула
И старшинъ его въ полонъ“...

Не многословенъ былъ разсказъ много сдѣлавшихъ казаковъ о томъ, какъ: „поидоша сіи воини и дошедше до стана ихъ и нападоша нощію, овѣмъ спящимъ, овѣмъ же неспящимъ, и многихъ поганыхъ побиша, и жива яша царевича Маметкула со всѣмъ богатствомъ“.

Вотъ гдѣ и вотъ какъ пришлось встрѣтиться двумъ богатырямъ, двумъ врагамъ непримиримымъ. Картина величественная, но нѣсколько дальнѣйшихъ словъ лѣтописи—и изъ полумрака вѣковъ въ этой картинѣ выдвигается на первый планъ грандіозная въ своемъ нравственномъ величіи фигура Ермака:

„Ермакъ-же принятъ сего (Махметъ-Кула), повѣдаетъ же ему царское великое жалованье и ублажаетъ ласкосердыми словесы“.

Невольное прибытіе въ Искеръ на жительство такого желаннаго гостя, какъ Махметъ-Кулъ, развязало руки Ермаку; съ подобнымъ заложникомъ онъ ужъ не боялся ни Кучума ни Карачи и могъ безъ риску оставить свою столицу и предпринять экскурсіи къ туземцамъ съ цѣлію покорять ихъ и ясакомъ облагать. И много въ этомъ году „подъ царскую высокую руку покориша Татаръ, Остяковъ и Вогуличъ, и къ шерти ихъ по ихъ вѣрѣ привели многихъ“. Конечно, при этомъ много Сибирскихъ туземцевъ улеглось въ кровавомъ бою: много ихъ пало при Тавдѣ рѣкѣ въ землѣ Вогуличэй, въ болотахъ и лѣсахъ Пелымскихъ, такъ много, что одно озеро получило съ тѣхъ поръ названіе баннаго-поганаго, по причинѣ множества сброшенныхъ туда тѣлъ; много уложилъ туземцевъ и отрядъ Брязги въ свой походъ отъ рѣчьки Аремзянки до Оби. Были потери и въ рядахъ казацкихъ: между прочимъ палъ и храбрый атаманъ Никита Панъ.

Въ такихъ битвахъ и покореніяхъ прошло лѣто 1582 года, пока зима не сдѣлала вновь антракта, спустивъ свой бѣлый занавѣсъ.

Наступилъ 1583 годъ, и мартъ мѣсяцъ обрадовалъ Искерцевъ возвращеніемъ изъ Москвы атамана Кольцо. Радостна была встрѣча, явившагося съ радостными вѣстями атамана: казацкія заслуги признаны, вины ихъ прощены, ихъ начальникъ Ермакъ Ти-

моѳѣевичъ царскимъ словомъ признанъ хозяиномъ страны, было съ чего задать пиръ и спрыснуть царскія милости. И передъ нами опять картина: мощная фигура Ермака,—крѣпко обхватила его мускулистые члены стальная кольчуга, ярко блеститъ на груди золотой орелъ—это царское даренье, накинутая на немъ шуба тоже съ царскаго плеча; высоко поднимаетъ онъ, присланный ему, золотой ковшъ и при общихъ возгласахъ чевствуетъ царя Іоанна Васильевича и желаетъ ему многая лѣта.

Среди шумнаго беззавѣтнаго разгула молчаливъ лишъ Махметъ-Кулъ: не долго ему остается жить въ стѣнахъ Искера, оскверненныхъ присутствіемъ невѣрныхъ, не долго любоваться полями и окрестностями, гдѣ онъ съумѣлъ своей отвагой заслужить имя богатыря: Кольцо привезъ царскій приказъ „отправить царевича въ Москву“.

Конечно, горе Махметъ-Кула не въ состояніи нарушить благодушной радости казаковъ, и весело смотрятъ они въ будущее: порванная нѣкогда, связь съ человѣчествомъ возстановлена царскимъ прощеніемъ и милостями, къ нимъ идетъ подмога товарищей: Россія и Сибирь теперь ужъ одно неразрывное цѣлое.

Заводились и мирныя сношенія съ окрестными Сибиря странами—возстановлялась та связь и тѣ сношенія, какія существовали во время Кучума; и въ концѣ этого лѣта мѣстность Искера оживилась, пришедшимъ съ Бухары, караваномъ.

Пестра и оригинальна для русскаго глаза картина степнаго каравана: солидно выступаютъ неуклю-

жіе верблюды, апатично посматривая на новую русскую обстановку, знакомаго уже имъ города! съ обычною готовностію юркій сартъ распаковываетъ свои тюки съ товарами. Много южныхъ диковинокъ раскидывается предъ жителями Искера: вотъ бухарскіе ковры съ ихъ исконнымъ рисункомъ, такимъ же прихотливымъ и нелогичнымъ, какъ пылкая фантазія степняка; вотъ матерія зелено-фіолетовая, отливающая серебромъ, такъ похожая на южныя горы, рисующіяся среди степей; камни, серебро, сушеныя дыни, кишмышъ; словомъ, есть чему подивиться и въ знакъ удовольствія обругать косоглазыхъ лѣшихъ.

Красивы товары, красивъ и лагерь этого каравана; много жизни внесъ онъ въ красивую мѣстность, окружающую Искеръ, и, конечно, рады ему наши казаки. Вообще веселый годъ переживаютъ они, и когда, обмѣнявъ свои южные товары на произведенія Сѣвера, караваны двинулись обратно домой, на Искерѣ остались пустота и тишина.

Впрочемъ, не на долго: съ сѣверо-запада къ нимъ приближался другой караванъ—это давно жданная царская помощь подъ начальствомъ воеводы Болховскаго. Какъ-то придется уживаться съ воеводой людямъ, для которыхъ въ былое время воевода былъ синонимомъ кары! Какъ-то придется дѣлить власть и дѣло! Не будетъ ли укоровъ прошлымъ—нашимъ труженикамъ? Все это если думалось и передумывалось, то прежде, при самой же встрѣчѣ жданныхъ земляковъ была общая радость.

„Атаманы же и казаки срѣтоша ихъ съ вели-

кою честію.... Государевыхъ воеводъ одариша драгими собольми, и лисицами и всякою мягкою рухлядью, елика кто что можаху и радости исполнишася, веселяхуся, благодаряще Бога".

Ясно свѣтитъ солнце надъ Искеромъ, ясны лица тамошнихъ жителей, и ясная будущность видится имъ на многія лѣта!

Радостно началась весна этого года на Искерѣ, радостно закончилась и осень; но ясному осеннему солнцу не долго сіять: тянутся съ сѣвера зимнія тучи, темныя, длинныя, словно лапы когтистыя, готовыя сорвать съ земли все, что только есть на ней отраднаго.

Измѣнилась декорація: небывалая, какъ, свидѣтельствуютъ лѣтописцы, масса снѣга сравняла юрты Сибиряковъ съ землею, и готовится закрыть и болѣе высокія строенія Искера, словно заботливая мать, укутывающая дѣтей своихъ отъ холода; а „зимняя година", по лѣтописи, „была лютая" морозами. Начались сибирскіе бураны. Можно себѣ представить, массу снѣжныхъ волнъ, застилающихъ неизмѣнную долину и несущуюся съ воемъ на приступъ къ утесу Искера.

У сѣверныхъ народовъ есть легенда о цингѣ: по снѣжному морю средь снѣжныхъ бурановъ несется воздушный корабль, имъ правитъ двѣнадцать красавицъ сестеръ; откуда несутся онѣ—неизвѣстно, но путь ихъ направленъ туда, гдѣ пришлецы зимовать основались, и причаливши къ мѣсту тому, съ дикою пѣснію стремятся къ пришельцамъ въ ихъ сѣверный край.

Вотъ эта пѣсня:

Нѣтъ здѣсь церковнаго пѣнья,
Нѣтъ ни поповъ, ни амвона,
Нѣтъ колокольнаго звона,
Наше кругомъ все владѣнье.

Съ объятіями и поцѣлуями спѣшатъ они къ смертнымъ; но горе тому, кто ихъ ласкамъ поддастся: ихъ поцѣлуи пятно оставляютъ, и это печать—знакъ того, что онъ избранъ для жизни иной и въ царство тѣней изъ міра живыхъ перейдетъ непремѣнно.

Вотъ въ такихъ то снѣжныхъ вихряхъ призрачныя сестры шли въ эту зиму на приступъ къ Искеру—пустынно мертвенному городу,—жителей котораго лютые морозы и снѣжные бураны держатъ въ осадномъ положеніи въ ихъ, засыпанныхъ снѣгомъ, хатахъ. Неужто это люди, что мы видѣли весной и лѣтомъ, воодушевленныхъ отвагой, смѣло смотрѣвшихъ въ будущее!

Вотъ они теперь—въ большихъ избахъ, похожихъ на остяцкое зимовье, или на большую татарскую юрту, день и ночь при свѣтѣ огня, такъ какъ волоковыя окна, занесенныя снѣгомъ, не даютъ имъ свѣта, не даютъ возможности знать, что теперь такое, день или ночь. Да и какая нужда имъ до этого? не все ли равно этимъ людямъ? Распростертые трупами по нарамъ—безъ силъ, безъ энергіи на то, чтобы собрать остатки силъ для борьбы съ овладѣвшимъ имъ врагомъ—съ цынгою, засыпаютъ они подъ вой бурана, какъ подъ колыбельную пѣсню, и снятся имъ лица далекихъ родныхъ и близкихъ сердцу лю-

дей. Какая нужда до того, день или ночь и другимъ, не сваленнымъ болѣзнію, но тоже тѣнеподобнымъ существамъ, съ впалыми щоками, съ ярко горящими въ глубокихъ орбитахъ глазами? Какое дѣло имъ до времени? Ими владѣетъ другой врагъ, болѣе жестокій, чѣмъ цынга; онъ превратилъ этихъ живыхъ людей въ скелеты, онъ отнялъ у нихъ все человѣческое, и теперь у нихъ только одна животная потребность — ѣсть во что бы то ни стало, и что бы то ни стало, и съ нетерпѣніемъ ждутъ они смерти кого нибудь изъ своихъ больныхъ товарищей: имъ нуженъ трупъ. „Будучи въ такой нуждѣ, приведены до того, что и мертвыя тѣла своихъ товарищей въ пищу себѣ употребляли“. (Миллеръ)

Отраденъ кажется Божій свѣтъ людямъ выздоравливающимъ и людямъ избѣгнувшимъ смертной опасности, отраднымъ показался онъ пережившимъ эту тяжелую годину. Это чувство отразилось и въ словахъ лѣтописей, по большей части не многословныхъ —объ этомъ же времени мы читаемъ: „и по семъ убо зимняя година прейде, мразу и студени облегчевшу; и звѣриной ловлѣ лосьей и оленьей приспѣвшу, и отъ теплости воздуху снѣгу расталвшу, и всяка тварь ботѣюще, и древесамъ и травамъ прорастающимъ, и отверзеніе водамъ бысть, тогда убо всяко животное веселящеся“... Сообщивъ далѣе о прилетѣ птицъ для витья гнѣздъ и рыбъ, „плоду ради ходящихъ“, и объ охотѣ на нихъ, сообщивъ и о томъ, что Остяки и Татара снова стали доставлять всякую провизію въ Искеръ, лѣтописецъ такъ закан-

чивает свою пространную рѣчь: „Московскіе люди и казацы пребывающе въ радости и въ веселіи, благодаряще Всемогущаго Бога, что дарова Богъ государю такую благодатную землю“.

Весна застала Ермака снова единственнымъ набольшимъ земли Сибирской: прибывшій воевода съ большимъ числомъ, пришедшихъ съ нимъ умерли. Пустовато было въ Искерѣ: кромѣ умершихъ отъ цинги и голода, часть казаковъ ушла въ Москву конвоемъ съ Махметъ-Куломъ.

Конечно, зимняя казацкая невзгода не могла быть тайной для Татаръ и Кучума; не было тайной и то, что ихъ богатырь усланъ,—это развязало имъ руки. Не смотря на повсемѣстное спокойствіе и видимую покорность, въ тишинѣ и тайнѣ готовилось общее возстаніе; ждали только сигнала отъ крѣпкой руки, забравшей всѣ нити этого дѣла—отъ Карача. Но знали и не предчувствовали ничего Русскіе; ожившая всѣхъ весна, сдѣлала ихъ благодушными, и радостно встрѣтили они посольство отъ своего врага, повѣрили его мнимому покорству, приняли богатую дань и поспѣшили исполнить его просьбу: послать ему помощь противъ Ногаевъ. Ермакъ, обрадованный пріобрѣтеніемъ такого крупнаго данника, отрядилъ ему на помощь 40 лучшихъ своихъ казаковъ подъ начальствомъ друга своего Кольцо. Никому изъ нихъ не пришлось воротиться въ Искеръ. Кровь, обманутыхъ и, измѣннически зарѣзанныхъ, героевъ была сигналомъ общаго возстанія; атаманъ Яковъ Михайловъ, разъѣзжавшій по мнимымъ друзьямъ, былъ тоже убитъ, и

за тѣмъ въ мартѣ все хлынуло на Искеръ и обложило его живымъ кольцомъ, въ надеждѣ уморить осажденныхъ голодомъ.

Зная, что самъ Карача съ своими дѣтьми былъ у Соусканскаго мыса, мы можемъ заключить, что это живое кольцо тянулось на огромное пространство; это и окружающіе Искеръ лѣса и овраги дѣлали немыслимыми вылазки осажденныхъ. Положеніе Ермака было тяжелое: „Ермакъ", говоритъ Карамзинъ, „увидѣлъ себя въ тѣсной осадѣ: завоеванія его, царство и подданные вдругъ исчезли; нѣсколько саженей деревянной стѣны съ земляными укрѣпленіями составляло единственное владѣніе казаковъ"!

Прошла весна, настало лѣто, положеніе дѣлъ не измѣнилось; предъ ними уже стоялъ грозный призракъ —голодъ, такъ хорошо знакомый имъ, и онъ-то заставилъ рѣшиться ихъ на отчаянную вещь: ночью на 12-е іюня атаманъ Мещерякъ, выбравъ охотниковъ, сдѣлалъ вылазку, незамѣтно пробрался къ Соусканскому мысу и въ расплохъ напалъ съ тыла на Карача. Испуганные неожиданнымъ нападеніемъ, они, по всей вѣроятности, приняли казаковъ за новую пришедшую съ Москвы помощь Ермаку, и результатомъ этого дѣла было то, что казаки „побиша множество нечестивыхъ татаръ; дву же сыновъ Карачиныхъ убиша; прочіе татаровя разбѣгошася врознь; Карача и съ нимъ не многіи за езеро убѣгоша". Къ утру все, что окружало Искеръ, двинулось къ Соускану; но было уже поздно; наши храбрецы, устроивъ себѣ защиту изъ брошеннаго обоза Карачи, встрѣ-

тили сильнаго врага, отстрѣливались съ нимъ до полудня и прогнавъ его окончательно, возвратились въ Искеръ.

Снова вздохнули Русскіе свободно, и послѣ небольшихъ экскурсій по слѣдамъ бѣжавшаго Карача и по покореніи нѣсколькихъ князьковъ, окончателbно успокоились; ихъ жизнь вошла въ свою обычную будничную колею; стали поджидать своихъ прошлогоднихъ гостей—караваны бухарскіе, но урочное время пришло, а караваны не показывались; казаки недоумѣвали.

Между тѣмъ Кучумъ, подвинувшійся къ Вагаю рѣкѣ, воспользовался этимъ случаемъ и подослалъ татарина съ ложной вѣстью, что караваны не могутъ пройти въ Искеръ потому де, что Кучумъ стоитъ на дорогѣ и не пускаетъ ихъ. Вскипѣлъ Ермакъ и, собравъ дружину, двинулся на встрѣчу каравану.

Чуяло ли вѣщее казацкое сердце, что послѣдній разъ спускаются они съ живописнаго холма своего, отражающагося въ Иртышѣ какъ въ зеркалѣ?—не щемило-ли его предчувствіе, видя свое энергическое лицо, отражающееся и словно кивающее ему изъ колеблющейся влаги, не щемило-ли предчувствіе, что скоро, скоро будетъ тамъ въ глуби не отраженіе только, а самъ первообразъ? Конечно, лѣтописи не дадутъ намъ отвѣта на эти вопросы, какъ не сообщаютъ онѣ намъ и того, какъ провели 10 дней Ермакова отсутствія атаманъ Мещерякъ въ компаніи съ безгласнымъ головою Глуховымъ. Поджидали караванъ, поджидали Ермака съ разсказомъ о новыхъ подви-

гахъ; но вмѣсто Ермака и каравана прибѣжалъ къ нимъ вѣстникъ. Отъ него узнали казаки, что 5-го августа духъ, одушевлявшій всѣхъ, умъ, сплотившій всю эту разнохарактерную толпу въ одну общую силу, пересталъ существовать; отъ всего этого осталось одно мертвое тѣло гдѣ-то тамъ на илистомъ днѣ рѣки; лежитъ оно въ блестящей кольчугѣ, въ царскомъ подаркѣ, и нѣтъ ему теперь никакого дѣла ни до Татаръ ни до Русскихъ, лежитъ оно равнодушное, и къ славѣ, и къ вѣчной памяти его имени.

Потрясающее впечатлѣніе произвела въ Искерѣ эта вѣсть, и „Русскіе убояшася жити во градѣ.... Къ Руси бѣжавше, градъ же Сибирь оставиша пустъ“.

